

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 11 / 2016

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;
Бабич И.Л., д.и.н.;
Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;
Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;
Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;
Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;
Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;
Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;
Зенин С.С., к.ю.н.;
Клименко А.И., к.ю.н., доцент;
Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;
Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,
Белых В.С.,
Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Аналогии и заимствования в праве: очерки истории

- Исаев И.А.* Проблема правового заимствования: Россия и Запад.....3
- Айбатов М.М.* Проблема разделенных народов и право на самоопределение.....8
- Нудненко Л.А.* Развитие идеи права на достойное человеческое существование.....12
- Красинский В.В.* Теоретическое обоснование ограничения государственного суверенитета и его реализация в современной практике межгосударственных отношений.....16
- Ткаченко С.В.* Полномасштабная рецепция права как основа модернизации.....24
- Рымарь С.В.* Россия — полигон современных информационных технологий.....30
- Плюцкая О.А.* Экстраполяция обычного этнического права пермских народов в современную правовую систему России.....34
- ### Право и «силовики» — армия и полиция в исторической ретроспективе
- Коновалов И.А.* Учреждение и организационно-правовое становление регулярной полиции в Сибири в XVIII в.38
- Волчанская А.Н.* Онтология майорских следственных канцелярий.....43
- Егошин О.А.* Воинские наказания в отечественных теориях о праве и государстве в период сословно-представительной монархии (XVII в.)47
- Бучко Н.П.* Армия в политике белых сил на Востоке России в годы Гражданской войны: к вопросу об источниковой базе.....51
- Ливенцев Д.В.* Проект уничтожения тюрем во время Февральской буржуазной революции 1917 г.56
- Николаев Н.Ю.* С.А. Котляревский о войне и мире...59

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtog@lawinfo.ru
Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.
Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.
Номер подписан в печать 24.05.2016
Номер вышел в свет 30.06.2016

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс: Почта России — 10866;
«Объединенный каталог» — 85492 (на полуг.).
Также можно подписаться на www.gazety.ru
Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 11 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences, professor;
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences, professor;
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences, candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay

for publication of their articles.

Analogy and Borrowings in Law: History Sketches

Isaev I.A. Problem of Borrowing in Law: Russia and West	3
Aybatov M.M. Problem of Divided Peoples and Right to Self-Determination.....	8
Nudnenko L.A. Development of the Idea of Right to Dignified Human Existence.....	12
Krasinskiy V.V. Theoretical Justification of the State Sovereignty Limitation and Its Realization in Modern Practice of Interstate Relations.....	16
Tkachenko S.V. Full Scale Reception of Law as a Basis of Modernization.....	24
Rymar S.V. Russia is a Range of Modern Information Technologies.....	30
Plotskaya O.A. Extrapolation of Ethnic Common Law of Permian Peoples to Modern Legal System of Russia	34

Law and "Men of Power" —

Army and Police in the Historical Retrospective

Kononov I.A. Establishment and Procedural Institutional Development of the Regular Police in Siberia in XVIII Century.....	38
Volchanskaya A.N. Ontology of Major Investigative Offices	43
Egoshin O.A. Military Punishments in Domestic Theories on Law and State in the Period of Monarchy of Representatives of Nobility (XVII Century).....	47
Buchko N.P. Army in the White Forces Policy in the East of Russia in the Civil War Years: Revisiting Sources Base.....	51
Liventsev D.V. Prisons Destruction Project during the 1917 February Bourgeois Revolution	56
Nikolaev N.Yu. S.A. Kotlyarevskiy about War and Peace	59

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88 (multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 24.05.2016
Issue was published 30.06.2016

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

Russian Post — 10866;
"United Catalogue" — 85492 (for 6 months) and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without prior written permission of authors or the Editorial Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Проблема правового «заимствования»: Россия и Запад

*Исаев Игорь Андреевич,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igr@yandex.ru*

В тезисах доклада, подготовленного для выступления на X Международной конференции по проблеме «развития российского права» (III Московский юридический форум), содержится анализ основных тенденций и моментов взаимовлияния отечественной и европейской правовых систем на протяжении тысячелетней истории. Со времен Русской Правды происходило заметное воздействие на отечественное законодательство как норм обычного права, так и определенных влияний западного права: византийского, литовского, германского. При этом формирующаяся система русского, российского права сохраняла свои особенности, лишь частично воспринимая приемлемые элементы иностранного законодательства: этот процесс, меняя свои формы, протекал постоянно, вплоть до настоящего времени. Системе отечественного права удавалось сохранить свою идентичность и целостность.

Ключевые слова: система, рецепция, заимствование, законность, справедливость, легитимность, легальность, источники, кодификация, закон, право, субъект, свод законов, правосознание.

Problem of Borrowing in Law: Russia and West

*Isaev Igor A.,
Honored Scientist of the Russian Federation
Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law, Professor*

Points of the report prepared for public speaking at X International Conference on the problem of “development of Russian law” (III Moscow Law Forum) contain the analysis of main trends and moments of interrelation of domestic and European legal systems throughout a thousand year history. From the times of the “Russian Truth” there was a noticeable impact on domestic legislation of both ordinary law regulations and definite influence of western law — Byzantine, Lithuanian, Germanic. Herewith, forming system of Russian law kept its features, only partially acquiring acceptable elements of foreign legislation: this process, while changing its forms, has been going constantly up to the present time. System of domestic law managed to keep its identity and entirety.

Key words: system, reception, borrowing, legality, fairness, legitimacy, legality, sources, codification, law, legislation, subject, code of laws, legal consciousness.

Процесс формирования отечественного права на протяжении всего периода времени его становления испытывал вполне ощутимое влияние чужих ему правовых ценностей, принципов, и это естественное состояние и судьба всякой юридической системы и всякой правовой идеологии.

У самых истоков русского права наиболее мощное воздействие на процесс его формирования оказало право Византии, как светское, так и каноническое. Уже в договорах Руси с Византией «цивилизующее» влияние греческого права особенно заметно в разделах о режиме пребывающих в Константинополе русов, о выводе пленных, за-

прете военного мародерства и других нормах.

В более поздних договорах Новгорода с «немцами» и Смоленска с Ригой также прослеживается влияния земного права, чаще всего в области процессуального или судебного права и в принципах администрирования.

В договорах наряду с нормами международного и товарного права специально выделялись нормы «закона русского», базировавшегося на традициях и обычаях русов.

Церковное влияние представляется еще более мощным. Заимствованные у Византии институты (епархиальные, митрополичьи

и др.) основывались на регламентирующих нормах Эклоги, Прохирона, актах базилевсов и постановлениях Вселенского собора. Княжеские церковные уставы Владимира и Ярослава восприняли многие положения (в уголовном праве, процессе, праве наследственном и семейном) греческо-римского законодательства.

Княжеские церковные уставы, определив юридическую компетенцию церковных институтов (в области уголовного, семейного, наследственного права), оставили широкую возможность влияния византийского права на формирование отечественного канонического законодательства. Это влияние было заметным вплоть до XVIII в. и упразднения патриаршества.

В Русской Правде могут быть найдены некоторые схожие моменты с Салической Правдой франков, отстоящей от нее на пять столетий (Виоа-вергельд, процедура «свода», символика доказывания и пр.). Однако это было скорее обусловлено сходством социальных процессов феодализации, чем рациональным заимствованием идей. Влияние обычного («этнического») права в этом источнике имело решающее значение.

Важным источником для Русской Правды оказалась также княжеская судебная практика, своеобразный прецедент, построенный на местном юридическом опыте. Что касается внешних заимствований, они проявились в своеобразной негативной форме. В кодификации отсутствует такая мера наказания, как смертная казнь, и в этом обстоятельстве видно влияние церкви и церковных принципов, идущих еще от Византии. Христианское влияние выразилось также в «смягченном» отношении законодателя к институту рабства. Однако сильная языческая и традиционная мотивация проявилась в сохранении кровной мести (в скорректированных масштабах и границах) и отсутствии такого состава, как «государственное преступление». Правда, все еще сохранилось приоритетное состояние обычая, государственное публичное законодательствование осталось на заднем, втором плане.

Политическая ситуация, связанная с феодальной раздробленностью, оказалась благоприятной для проникновения в русское, национальное, по преимуществу обычное законодательство инородных правовых элементов. Западные земли Руси восприняли многие элементы польско-литовского романизированного законодательства. Северо-Запад Руси оказался под влиянием норм ев-

ропейского права, позаимствовав некоторые черты муниципального управления, магистратур и принципов администрирования.

В новгородском и псковском законодательстве впервые в русской правовой традиции упоминаются такие составы, как государственное преступление (измена, «пезевет»), и такие виды наказания, как смертная казнь. Очевидное влияние римского права проявилось в разделах судебных грамот о статусе и защите недвижимой собственности и регламентации договоров и обязательств.

И Псковская, и Новгородская судебные грамоты XV в. продемонстрировали значительно большую склонность к заимствованиям иностранного права (германского, шведского), что объяснялось геополитическими особенностями этих феодальных республик и их тесными связями с Западом.

Процесс создания национальных судебных кодексов XV–XVI вв. был отмечен заметным взаимовлиянием соседствующих правовых систем. Так, первый Литовский статут был создан под влиянием норм Русской Правды и первого русского общенационального Судебника 1497 г. Сами же судебники также восприняли ряд норм, определенно заимствованных у литовского законодательства. Подспудное влияние на правовую идеологию Руси оказала и политическая практика монголов, хотя прямые заимствования из Ясы Чингисхана обнаружить трудно.

Следует заметить, что нормы «гражданского» права в Судебниках все еще находились под влиянием византийского права, проникающего в Россию по двум направлениям: с юго-запада через Киев и северо-запада через Новгород.

Если говорить о монгольском влиянии, более всего заметным оно оказалось в области административного управления (упразднение представительных учреждений — «веча» или народного собрания — и сосредоточение управления на княжеском дворе) и уголовном праве, воспринявшем известные элементы жестокости в применении наказаний.

Появление новых составов и институтов в судебных кодексах было обусловлено прежде всего процессами внутреннего социально-политического развития («самодержавие») и лишь потом внешними заимствованиями. Составление судебных кодексов с такими кодификациями, как «Золотая булла» и «Каролина», только указывает на опасность происходящих у германцев и русских политико-государственных процессов, основанных на схожих социальных и политических условиях.

Прямые указания на заимствования иностранных источников содержатся в самом тексте Соборного Уложения 1649 г.: основными из них являются византийское и литовское законодательство. В нормах и институтах «гражданского» права очевидным является влияние римского права (сервитуты, детальная права регламентация владения и т. п.), воздействию которого все еще сопротивляется семейное, наследственное и в значительной мере обязательственное право.

Такие архаические моменты, как «право родового выкупа» и др. являлись актуальными только для данной правовой системы, но элементы зарождающегося абсолютизма и царского суверенитета (самодержавия) определенно коррелировали с тем, что происходило в системе западноевропейского права.

Характерное для абсолютизма соединение верховной советской власти с высшей церковной в системе российского законодательства выразилось в специфической форме (власть патриарха оставалась автономной от царской власти, несмотря на длающиеся политические конфликты между властями и не-ситуационный раскол). Соборное Уложение включило в себя составы правонарушений, ранее находившиеся традиционно в юрисдикции церкви. Это сужение полномочий церкви приведет уже в начале следующего века к упразднению патриаршества и соединению светской и церковной власти в едином лице по типу западноевропейских абсолютных монархий.

Следует заметить, что разыскной, или «инквизиционный» (при отсутствии инквизиции в России как института), судебный процесс в значительной мере напоминал судебные процедуры, имевшие место на Западе. Усиливающаяся власть абсолютного монарха требовала полного подчинения всех сфер жизни единой воле. Внешние заимствования (например, в военной области — «полки иноземного строя») в той или иной мере влияли на весь стиль политической и правовой жизни. Самодержавие превращалось в абсолютизм.

«Петровская революция» открыто заявила о необходимости заимствования в законодательстве «передовых» западных государств (особенно Швеции, Дании, германских государств). Государство стало готовить собственные юридические кадры, специально обученные европейским началам юриспруденции (значительную роль в этом процессе сыграл Г. Лейбниц).

Законодательство императорской России восприняло внешние формы европейского

законодательства (манифесты, указы, сенатские указы и пр.) и абстрактный язык современной юриспруденции. К концу XVIII в. заметным стало влияние прусского и французского права, особенно в сфере сословных прав. Наказ Екатерины II уже представлял собой открытую компиляцию правовых принципов, сформулированных И. Беккариа и Монтескье.

Влияние западных правовых особенностей появилось в системе наказаний, с ее ритуализированными и формализованными символами (бесчестяприе наказаний, роль профоса в исполнение наказания, «театрально»-деломсравнительные формы и т. п.). Очевидно, что и система формальных доказательств с ее жесткой иерархией была привнесена в судебный процесс извне. Этому способствовала и сама перестройка российской судебной системы (как и административной системы) по образцам, заимствованным из Швеции и Англии.

К концу XVIII в. усиливалось также влияние французской правовой культуры. Наряду с абсолютистскими образцами (Людовик XIV) в Россию стали проникать идеи философии Просвещения и «естественного права». В области государственного права такие категории и институты, как «кабинет министров», «полиция», «разделение властей», понятие законности и равенство перед законом, влияют на сам характер абсолютной монархии, делая ее «просвещенной». Закон становится главным источником права и все более придается в кодификационном оформлении. Многочисленные попытки «уложенных комиссий» создать новую правовую систему для империи стимулировались погоней за западными образцами.

М. Сперанский в начале XIX в. становится знаковой фигурой в деле по внедрению принципов европейского (преимущественно французского) права в российскую правовую систему. Используя юридическую технику И. Бентама, составители Свода законов сформировали корпус правовых норм, сгруппированных по отраслям права (впервые появляется само понятие «гражданское право»), в котором заимствованная юридическая техника налагалась на материал, почерпнутый из отечественной правовой традиции. Отраслевые уложения Свода (особенно Гражданское и Уголовное) были отмечены следами явного заимствования из французского, в то время самого современного законодательства.

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» в довольно короткие сроки

выдержало несколько изданий, этих изменений требовала быстро меняющаяся социально-политическая ситуация. Гражданское уложение широко использовало новейшие приемы юридической техники и категориальный аппарат европейской юриспруденции.

В эпоху «великих реформ» законодатель также обращался к западно-европейским образцам — аналог можно найти и в технике проведения аграрной (крестьянской) реформы, принципы которой в значительной мере повторили, во всяком случае на первом ее этапе, принципы прусской реформы (институты «временно-обязанности», кредитные механизмы и пр.). Ограниченные пределы реформы (сохранение старых аграрных элементов общины и «помещичьи запашки», сам механизм выкупной операции с ее полуфеодальными критериями ограниченного распоряжения землей для крестьян и пр.) были обусловлены как социально-экономической ситуацией, так и предвзятыми идеологическими установками законодателя.

В области судебной реформы институты мировых судей и присяжных заседателей были восприняты из западной континентальной и англо-саксонской традиции. В сфере местного самоуправления известное влияние магдебургского права больше сказалось в западных губерниях Империи (что уже становилось традицией), в центральных же регионах большее значение имела отечественная «земская» идея.

В период так называемых контрреформ под воздействием политических обстоятельств (развитие либеральных идей, революционный террор) была проведена серьезная корректировка реформационных последствий. В государственно-правовой идеологии корректировались национальные ценности и образцы. Консервативные тенденции и ориентация власти на дворянство, как основную социально-политическую силу, сказались на применениях в судебной и административной системах. Западное влияние на идейное развитие страны (особенно после Крымской войны) заметно снизилось.

Конец XIX в. был ознаменован рождением новых правовых отраслей — социального и хозяйственного права, развивающихся под действием политических и социальных идей, идущих с Запада, либерализма и социализма. Под влиянием политических союзов, в которые Россия вступала, западно-европейские принципы права (и германские, и англо-саксонские) вновь стали проявляться и в строительстве современной правовой системы.

Законодательство периода Первой мировой войны коррелировалось с правовыми преобразованиями, происходившими в Европе.

Политическая и военная поддержка, которую союзники оказали России, обусловила проникновение новых, но излишне республиканских правовых идей. Монархические идеалы оказались в кризисе. Рост монополистических хозяйственных форм сопровождался детальным заимствованием разработанных на Западе правовых институтов корпоративного законодательства (предпринимательского, финансового, налогового, трудового права). Высокой степенью разработанности отличилось право кооперации. После столыпинской аграрной реформы интенсивное развитие получило аграрное и социальное право.

Революционные преобразования 1917 г. открыто провозгласили в качестве прогрессивного явления восприятие новых демократических принципов в праве. Парламентская политическая структура, созданная в России еще в начале века, стала представляться наиболее приемлемой для страны и свержение традиционной монархии проходило в значительной мере под лозунгами Великой французской революции, а в проекте Конституции 1917 г. Россия провозглашалась республикой во главе с президентской властью. Все классические принципы западной парламентской демократии были представлены как конституционные.

Октябрьский переворот 1917 г. еще больше расширил восприятие западных политических, теперь еще более радикальных революционных идей, объявив интернациональную политику мировой революции. Однако в построении системы государственной власти парламентарному принципу была противопоставлена советская модель, определенно заимствовавшая идеи из национальной (земской, общинной) традиции.

Роспуск Учредительного собрания (сам институт был заимствован из французской революционной традиции) означал прерывание парламентского пути развития для России. Вместо него система советов, зародившаяся как форма революционной борьбы и местного самоуправления, продемонстрировала новый тип государственности (хотя определенно напомилавший катонную структуру Швейцарии и итальянскую систему коммун).

Вместо традиционной унитарной формы государственного устройства Россия принимает уже в конце 1917 г. федеративную форму, повторяющую образы западных федераций,

однако основанную на принципах национальной автономизации.

Формирование новой системы права, начавшееся после периода правового нигилизма и Гражданской войны, когда часть территории страны находилась под юрисдикцией «белых» и интервенционистских режимов, также оказалось под влиянием западных правовых идей. Так, советское хозяйственное право восприняло многие принципы германского хозяйственного права военного периода. Правовые теории «социальных функций», развитые германскими и французскими правоведами солидаристской ориентации, повлияли на формирование первых советских кодексов уголовного и гражданского права. Уже в период НЭПа первый советский ГК был сформирован под воздействием идей Германского и Швейцарского гражданских уложений. Идеи итальянского «корпоративного права» повлияли на создание трудового и позже колхозного законодательства.

Новая экономическая политика, в ходе которой были восстановлены и использованы некоторые «капиталистические» формы хозяйствования (тресты, синдикаты, акционерные общества, концессии и аренда), потребовала детальной правовой регламентации их организации и деятельности. Характерно, что системы заимствованных норм корректировались действием так называемых декларативных статей (например, ст. 1 и 4 ГК РСФСР 1923 г.), проводивших в законе «классовый принцип» и идею целесообразности. Даже официальные лица оценивали право и законность в качестве буржуазных пережитков и ожидали скорого перерождения юридических норм в нормы организационно-технические. В условиях НЭПа «революционное правосознание» как правовой источник уступает свое место кодифицированному законодательству, однако сохранение таких принципов, как «объективное вменение» и принцип аналогии, делали право техническим инструментом власти. Следует отметить, что подробные тенденции имели место и в ряде европейских государств с авторитарными политическими регламентами.

Конституция СССР 1936 г. представляла собой образец сочетания высокой юридической техники и привлекательных политических идей. Вместе с тем в юридической практике и отраслевом законодательстве (особенно уголовно-процессуальном, уголов-

ном и трудовом) имели место недемократические принципы и методы, сходные с теми, которые действовали в законодательстве других авторитарных государств.

Жесткость правового регулирования, естественно, значительно возрастает в условиях войны. Для «мобилизационного права» 1940-х гг. были характерны некоторые элементы заимствования из правовых систем военного времени западных государств, входивших в антигитлеровскую коалицию.

«Закрытый» характер советской правовой системы обусловлен ситуацией, в которой уже после окончания войны все еще использовали некоторые правовые нормы, принятые в военных условиях (в сферах уголовного и трудового права, отчасти колхозного права). Вместе с тем демократические послевоенные преобразования в социальной и экономической областях также требовали обращения отечественного законодателя к современным «передовым» образцам.

Эпоха «оттепели» 1950–1960-х гг. и «перестройки» 1980-х гг. отмечалась особенно внимательным отношением законодателя к правовым процессам, происходившим за рубежом. В 1980–1990-е гг. имели место даже тенденции переориентирования отечественной правовой системы от кодификационной организации (большое число кодексов было принято в 1950–1960-е гг.) к прецедентной системе. Проблема значимости для отечественной юриспруденции международных норм и вопрос о приоритете норм национального законодательства также неоднократно обсуждались в высших судебных инстанциях и структурах власти.

На формирование принципов, системы и институтов отечественного права существенное влияние оказал правовой опыт других стран. Однако полной рецепции не могло быть ввиду наличия ряда базовых качеств системы — ее мощной этнонациональной и социальной ориентированности, особенностей менталитета и культурных традиций, геополитического положения евразийского государства. Имеющие место и в настоящее время частичные заимствования носят поэтому локальный и часто поверхностный характер, не затрагивая структурных основ отечественного правосознания и правоприменения. Вместе с тем рациональный учет полезного для системы опыта является необходимым и неизбежным.

Проблема разделенных народов и право на самоопределение

*Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич,
профессор кафедры истории государства и права
Дагестанского государственного университета,
доктор юридических наук
kafgip@mail.ru*

В статье рассматриваются проблемы самоопределения народа, предлагаются конкретные формы и способы их решения.

Ключевые слова: свобода, самоопределение, личность, референдум, равноправие, добрососедство, национальный мир.

Problem of Divided Peoples and Right to Self-Determination

*Aybatov Magomednabi M.,
Professor of the Department of History of State and Law of the Dagestan State University,
Doctor of Law*

The problems of self-determination people are discussed in the article, specific forms and methods of achieving them are offered in it.

Key words: freedom, self determination, personality, referendum, equality, good neighborliness, international peace.

Проблема разделенных народов, связанная с реализацией их права на самоопределение, объединение и восстановление своей национальной целостности, является одной из важнейших проблем современности. Разделенные народы — постоянный источник международной напряженности и этнополитических конфликтов, о чем сегодня красноречиво свидетельствуют этнополитические проблемы в странах СНГ, в бывшей Югославии и других странах мира, проявившиеся в результате как внутреннего генезиса, так и под воздействием внешних факторов. Актуальность исследуемой проблемы продиктована необходимостью теоретического исследования данного вопроса через призму понятий «право народа на самоопределение» и принципа «территориальной целостности государства». Для разделенных народов, как, впрочем, и для всех этносов, характерно стремление к созданию на своей этнической территории государства или автономии, национального языка [1, с. 3–4].

Стремление к свободному, независимому развитию и право народа на самоопределение все больше становятся основным стержнем, целью динамично растущего национального самосознания. Деформации в практической национальной политике последних лет настоятельно требуют при оценке перспектив нашего развития принимать в расчет от-

ношения не только между национально-государственными образованиями, но и между самими народами как внутри России, так и в масштабе всего бывшего СССР. Следует отметить, что перекосы в различных областях национальной жизни, наблюдаемые сегодня, уходят своими корнями в прошлое и порождены, прежде всего, деформированностью важнейшего принципа национальной жизни и международного права — принципа национального самоопределения.

Марксистская теория наций и национальных отношений ориентировала общество на форсированное сближение наций. Она не считалась с объективным ходом развития национальных процессов, серьезно препятствовала удовлетворению законных национальных потребностей народов, вела к недооценке исторических, культурно-психологических и национальных особенностей населяющих нашу страну наций и народностей. Официальная идеология, провозглашая равноправие и свободное развитие всех народов, закрывала при этом глаза на имевшие место в жизни вопиющие проявления беззаконий по отношению к целым народам. Одни за годы господства командно-административной системы лишились своей государственности и были согнаны с родных земель, другие не получили возможности удовлетворить законное право иметь свою государствен-

ность (лезгины, гагаузы, ногайцы и т. д.), будучи искусственно разорванными на части и распределенными между двумя и тремя республиками. Хотя отдельные проявления несправедливости и были осуждены и исправлены в 60-е гг. XX в., однако их последствия дают о себе знать до сих пор, а отдельные ущемленные народы нуждаются в элементарном внимании и справедливом отношении к себе и по сей день.

Нарушением принципа социальной справедливости в сфере национальных отношений явилось и искусственное деление народов на коренных и некоренных. На людей, не по своей воле оказавшихся за пределами своих национальных территорий, стали смотреть как на граждан «второго сорта», их интересы ущемлялись (после распада СССР в еще большей степени) при поступлении в вузы, приеме на работу, выдвижении на руководящие должности: между национальной принадлежностью человека и его социальным статусом установилась определенная негласная взаимозависимость. Все это не могло не повлиять на сознание людей, на их психологию, порождая у одних групп населения сознание своей национальной исключительности, избранности, у других — чувство ущемленности и элементарной незащищенности. Исторический опыт показывает, что одним из важнейших условий самоопределения народа, обретения им необходимых свойств национальной жизни является его территориальное или пространственное обособление, благодаря которому народ получает способность к самостоятельному национальному развитию и сохранению своей самобытности при всех внутренних и внешних на него воздействиях.

Другим не менее значимым фактором самостоятельного функционирования народа выступает осознание им своей национальной целостности, национального единства своих частей, что в огромной степени способствует формированию жизнестойкого национального самосознания. И наоборот, несuverенность народа, его разделенность, разобщенность на части государственными границами лишают его возможности заниматься цельной социально-экономической и национально-духовной жизнью, развивать единую культуру, сохранить свой язык, историю и культурное наследие. Подтверждением этому служит опыт лезгинского народа, который несправедливо разделен между Российской Федерацией и Азербайджаном, хотя и живет компактно на своей исторической тер-

ритории в сопредельных районах юга Дагестана (России) и севера Азербайджана.

«В азербайджанской части, — отмечает профессор А.Г. Агаев, — господствуют азербайджанская культура, язык и традиции, которые навязываются лезгинскому населению, а сфера активного употребления родного языка сужена до домашнего общения, национальное искусство создается лишь в народно-самодеятельных и любительских формах. В дагестанской части возникли и функционируют лезгинские профессиональные творческие коллективы (театр, редакции газет и журналов, радио и телевидение), ведется обучение родному языку и литературе в общеобразовательных школах до выпускного класса [2, с. 151].

Власти Азербайджана чинят всякие препятствия лезгинам в их стремлении развивать собственную духовную жизнь, собственную культуру, иметь свои газету, радио, телевидение, другие средства массовой информации, которые в огромной степени способствуют формированию национального самосознания, политической и правовой культуры. Высокие чиновники из числа пришлых, появившихся на исконных землях этнических дагестанцев лишь в XIII в., объявляя лезгин некоренным народом, всячески притесняют их, подвергая насильственной ассимиляции и проводя откровенно шовинистическую политику, по принципу: «Единое государство — единая нация». Результатом такой ассимиляторской политики стало то, что десятки лезгинских сел, как отмечают профессор М.М. Ихтилов и журналист М.Н. Меликмамедов, в одночасье превратились в азербайджанские. Так, хранящее название древней Кавказской Албании лезгинское село Алпан теперь уже считается азербайджанским. М.Н. Меликмамедов в своей книге «Если ты лезгин» рассказывает о том, как жители лезгинского села Узунмеще Кубинского района Азербайджана, в свое время частично выехавшие в Турцию и обосновавшие там одноименное село около Стамбула, возмущались, узнав, что их братья и сестры, оставшиеся на своей исторической родине, теперь перестали быть лезгинами и насильственно превращены в азербайджанцев [3, с. 22].

Всемирная Декларация прав человека, принятая ООН, исходит из права каждого народа самому определить свою судьбу. «Все народы, — отмечается в ней, — имеют неотъемлемое право на... целостность их национальной территории» и «всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или пол-

ностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами устава Организации Объединенных Наций» [4].

Численность народа, величина занимаемой им территории не могут и не должны служить преградой при достижении им своей свободы, при определении своей судьбы в соответствии со своими коренными интересами и потребностями. В демократическом обществе не должно быть господствующих наций, образовавших суверенную республику, и угнетенных, «второсортных» народов, не обладающих такими правами. Право на свободное самоопределение должно быть обеспечено всем народам, компактно проживающим на своей исторической территории. При этом для лезгин, скажем, самоопределение могло бы выразиться в их праве на свое воссоединение в рамках единой российской государственности, поскольку в состав Российской империи они в свое время вошли со всеми своими землями, а не отдельными своими частями. Вот что, к примеру, пишет по этому поводу профессор К.Х. Акимов: «В начале XIX века лезгинские ханства и вольные общества вошли в состав Российской империи: в 1806 г. — Бакинское ханство, в 1812 г. — Кюринское ханство, в 1813 г. — лезгинские вольные общества. Они присоединились к России на договорных началах: в документах Россия обещает единство и охрану лезгинских земель от внешних агрессий» [5, с. 49].

Государственным деятелям Азербайджана должна быть понятна боль лезгинского народа, разделенного на части, ибо сам азербайджанский народ также несправедливо разбит на части и его воссоединение также было бы исправлением исторической несправедливости, допущенной в отношении многомиллионного народа. Народам, в отличие от представителей властных структур, нечего делить, они мудры, всегда тянутся друг к другу и не могут обойтись друг без друга. Но им нужно предоставить возможность самим решать свою судьбу и самый демократичный способ обнаружения волеизъявления народа — это проведение референдума, который должен определить, как и с кем, ему жить и строить свое будущее (прецедент — референдум в Крыму). И это тем более важно, ибо многие народы были в прошлом включены в состав той или иной республики без выявления их воли, по политическим соображениям, на основе произвольных субъективистских решений, угодных тем или иным политическим деятелям. Как справедливо отмечают В.И. Ва-

силев и Б.С. Крылов, согласно международно-правовым нормам право народов на самоопределение принадлежит как большим, так и малым народам, ни один народ не может быть заложником у другого [6].

Значит, не другой какой-то народ, не законы той или иной республики должны определять судьбу народа, а только он сам. Противники предоставления народам права на самоопределение часто ссылаются при этом на «непредсказуемость последствий», опасность «перекройки границ», стремясь таким образом сохранить господство своей нации над другими. Неужели современный цивилизованный мир не может дать позитивные рецепты решения национального вопроса? Может, и тут надо, чтобы крупные государства и народы сделали все от них зависящее, чтобы одни народы силой не навязывали другим свою волю, не подавляли их, не унижали их национальное достоинство. При этом следует не солидаризироваться с одной из противоборствующих сторон, а быть третьей стороной, заинтересованной в справедливом решении проблемы, стороной, гарантирующей поддержание мира и защиту прав национальных меньшинств, вплоть до применения санкций против той из сторон, которая нарушает нормы международного права.

Что касается Кавказа и других регионов бывшего СССР, где национальные проблемы характеризуются своей нерешенностью, политика России как одной из крупных держав мира не может строиться на нейтралитете, а должна быть основана на принципах защиты коренных интересов малых народов, добровольно вошедших в свое время в состав России и ныне желающих воссоединиться с ней в рамках единой федерации. Российскому руководству на этот счет нужно иметь четкую концепцию политики на Кавказе, которая призвана с учетом исторических и современных реалий на справедливой основе путем выявления волеизъявления народов через референдум и другие демократические механизмы решить национальные проблемы малых народов, не доводя их до кровопролития. Это важно и потому, что на территории расселения кавказских народов, равно как и в других сопредельных с Россией районах и областях Прибалтики, Казахстана, Украины и т. д., в одночасье после распада СССР оказались и свыше 25 млн русских — больше, чем все население Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии вместе взятое, которые также искусственно отрывается от своей национальной культуры. Решая эти и другие острые во-

просы межнациональных отношений, меньше всего следует руководствоваться избитыми, прочно вошедшими в наше сознание и подсознание и мало помогающими делу стереотипами мышления типа «рассмотреть», «изучить», «обсудить», «подумать», «взвесить», а больше думать о конкретных шагах, направленных на защиту коренных интересов народов, о принятии, например, в рамках СНГ правовых актов, гарантирующих права национальных меньшинств наряду с коренным населением. Важно сделать все, чтобы большой народ вник в проблему малого народа и по-человечески помог ему не исчезнуть с лица земли.

Азербайджан, Грузия, Молдова, Украина, отделившись от большой империи, сохраняют у себя малые империи, лишая народы, живущие в этих республиках, их законного права на самоопределение. Поэтому бывшие союзные республики, по нашему глубокому убеждению, не имеют ни моральных, ни юридических оснований, объявляя себя собственниками земли, ее недр и других ресурсов на их территории, притесняя малые народы, ущемляя их законные права, свободу и достоинство. Право на землю имеет только народ, родившийся на этой земле и компактно на ней живущий. И никто не может лишить народ права на свою историческую землю. Связь человека с родной землей настолько тесна, что благодаря ей народ обретает родину. Понятия «Родина», «Отечество» связаны с понятиями «отец» и «мать», и чувство связи с родной землей имеет для человека огромное эмоциональное значение. Любовь к своей Родине, к земле своих предков, к своему народу, его языку, культуре, обычаям и традициям — это одно из тончайших человеческих чувств, в котором нет и не может быть тени национализма. Последний начинается там, где за этой любовью к своему народу скрывается высокомерное, чванливое отношение к людям других национальностей, когда человек, замыкаясь в своей национальной скорлупе, не хочет считаться с людьми других национальностей, уважать их историю, язык, культуру, учиться у них всему положительному и совместно бороться против всего того, что мешает установлению между людьми разных национальностей отношений дружбы, братства и добрососедства. Никаких границ в природе нет. Они существуют лишь на бумаге, в географии. И поэтому никому не удастся насильно навязать народу те или иные ценности.

Неотъемлемое право народа, тем более компактно проживающего на своей исторической территории и несправедливо разде-

ленного между двумя-тремя республиками, — самому определять свои границы в рамках той или иной федерации. Что же касается представителей перечисленных выше российских народов, оказавшихся в глубине территорий бывших республик СССР, то формой самоопределения для них могло бы служить создание, где это возможно, национальных республик, национальных районов, предоставление им статуса двойного гражданства, гарантирование им других конституционных прав и свобод, могущих сохранить самобытность этих народов и препятствовать тем самым политике их дискриминации и насильственной ассимиляции со стороны крупных народов, давших название той или иной республике.

Неверно полагать, что самоопределение обязательно приведет к разрыву сложившихся исторических связей народов, к их противостоянию. Напротив, только равноправие, равенство народов создают благоприятную почву для установления крепких, устойчивых, подлинно братских уз между народами, основанных на принципах дружбы, справедливости и добрососедства.

У права народа на самоопределение имеются и свои противники. Но никто из них не предложил реального и разумного решения проблемы защиты прав народа и избавления мира от многих конфликтов и войн, ведущихся за самоопределение. Голые призывы к уважению национальных прав и достоинств народов останутся лишь благими пожеланиями, пока тот или иной народ, не имеющий своего национально-территориального образования, не получит какую-то форму национально-государственного или национально-территориального устройства. Пока мы будем придерживаться принципа «мое — мое и твое — мое», конфликты не только не исчезнут, а, наоборот, будут углубляться, мешая народам обрести свою самостоятельность. Вот почему народы в своих взаимоотношениях должны придерживаться общепризнанных всем миром морально-правовых норм, гласящих, что каждый народ, независимо от его численности, имеет неприкосновенное право жить на своей исторически обретенной территории и самому определять свою судьбу, и никаких отступлений от этих признанных мировым сообществом гарантий быть не должно.

Таким образом, малейшее неравноправие, подчинение одного народа другому, наличие у суверенного народа необоснованных

льгот и привилегий выступают питательной почвой для проявления национальной кичливости, высокомерия и чванства с его стороны по отношению к малым народам. Основой добрососедства народов является, прежде всего, их равенство, причем равенство фактическое, а не провозглашаемое лишь на бумаге.

Можно выделить общие тенденции в постановке проблем территориально-характера: во-первых, стремление разделенного этноса к территориальному самоопределению путем воссоединения в целях сохранения своей самобытности; во-вторых, стремление государств, включающих составные части этнической территории разделенных народов, к сохранению своей территориальной целостности. Противоречия этих тенденций обусловлены противоречиями международного права: права народов на самоопределение и права на сохранение территориальной целостности государств. Это глобальная проблема, требующая международного политического решения и научного

осмысления, выявления исторических, политических и социокультурных предпосылок в каждом отдельном случае [1, с. 186–187]. Поэтому пока не будет достигнуто подлинного равенства, не будет и подлинного национального мира, подлинного союза народов, в котором восторжествуют высокогуманные идеалы справедливости, добрососедства и уважительного отношения к человеку.

Литература

1. Цагараев М.А. Этнополитические проблемы разделенных народов: политико-правовые основы их регулирования (на примере осетинского народа): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
2. Агаев А.Г. Нациология. Философия национальной экзистенции. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1992.
3. Меликмамедов М.Н. Если ты лезгин. Махачкала, 1991.
4. Правда. 1960.16 декабря.
5. Акимов К.Х. Лезгистан. Энциклопедия. Махачкала: Лотос, 2011.
6. Васильев В.И., Крылов Б.С. Каким должен быть союзный договор? // Известия. 1990. 10 августа.

Развитие идеи права на достойное человеческое существование

*Нудненко Лидия Алексеевна,
профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
почетный работник высшей профессиональной школы Российской Федерации,
доктор юридических наук
nudnenko@rambler.ru*

В статье рассмотрено развитие идеи права на достойное человеческое существование в политико-правовой мысли. Доказано, что прообразом этого права является принцип справедливости, исследованы концепции содержания указанного права, его взаимосвязь с идеями социального и правового государства.

Ключевые слова: право на достойное человеческое существование, справедливость, право, социальное государство, правовое государство, естественное право, качество жизни.

Development of the Idea of Right to Dignified Human Existence

*Nudnenko Lidiya A.,
Professor of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Honored Worker of Higher Professional School of the Russian Federation,
Doctor of Law*

The article considers the development of the idea of the right to worthy human existence in political and legal thought. It is proved that the prototype of this right is the principle of justice, investigated the concept of the content of this law, its interrelation with ideas of social and legal state.

Key words: right to a dignified human existence, justice, right, social state, constitutional state, natural law, the quality of life.

Одной из актуальнейших проблем современности являются проблемы взаимодействия индивида, общества и государства¹. В ее основе находятся проблемы сохранения физической и психической целостности человека, его познавательных сил, развития способностей, находящихся в неразрывной связи с правом на достойное существование, взаимозависимость их реализации от конституционных основ общества и государства.

Прообразом идеи на достойное человеческое существование можно считать высказывавшиеся в древности идеи о справедливости. Проблеме соотношения индивидуальной справедливости и справедливости, выраженной в законе, уделял много внимания Сократ (470/469–399 гг. до н. э.). Аристотель (384–322 гг. до н. э.), развивая идею справедливости, обосновал распределительную справедливость, обеспечивающую пропорциональное равенство между членами общины. При этом он подчеркивал зависимость реализации прав человека от государства. Задача государственных органов состоит в том, чтобы люди могли вести достойную жизнь и пользоваться возможным для них счастьем. Он полагал, что в идеальном государстве не должно быть ни чрезмерно богатых, ни чрезмерно бедных. Опора общества — люди среднего достатка.

Первичной добродетелью человека, наряду с мужеством, умеренностью, благоразумием, римские стоики считали справедливость. В случае коллизии правовых норм римские юристы исходили из необходимости отдать предпочтение норме, гарантирующей справедливость².

В средние века гарантией стабильности государства Ж. Боден полагал наличие значительного слоя людей среднего достатка. Идея справедливости стала краеугольным камнем естественного права, исследованная в трудах Г. Гроция, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Д. Локка, Ш.-Л. Монтескье.

Начало научной дискуссии относительно права на достойное человеческое существование как реализации принципа справедливости во взаимоотношениях между человеком, обществом и государством было положено в конце XIX — начале XX в. При этом сам тер-

мин «право на достойное человеческое существование» был впервые предложен австрийским юристом А. Менгер. В работе «Новое учение о государстве» он указал на то, что самыми насущными потребностями человека являются те, от удовлетворения которых для отдельной личности зависит поддержание достойного человеческого существования³.

Содержание права на достойное человеческое существование А. Менгер классифицировал на три категории в зависимости от субъекта данного права. Применительно к несовершеннолетним суть этого права состоит в поддержании их существования и воспитании. По отношению к взрослым — поддержание существования. По отношению к лицам, которые вследствие старости, болезни и других причин не способны к труду, — попечение. Он констатировал, что современное ему право начала XX в. содержит лишь скромные зачатки осуществления права на существование, состоящие в домах для подкидышей и сирот, страховании против безработицы, несчастных случаев, старости и инвалидности⁴.

Георг Еллинек, развивая идею А. Менгера, формулу «право на достойное человеческое существование» впервые связывает не только с материальными условиями жизни человека, но и указывает на необходимость определенных нравственных условий для пользования многими и разными правами, необходимыми человеку в его частной и в определенных пределах в общественной и политической жизни⁵. Таким образом, он подчеркивает зависимость материальных условий жизни человека от устройства общества и государства, их взаимодействие.

Вклад русского философа В. Соловьева в развитие идеи о праве на достойное человеческое существование состоит в рассмотрении этого права в иерархии духовных ценностей, связанных с перспективой нравственного совершенствования человека, которое, по его мнению, предполагает необходимость осуществления необходимых правил и нравственно-должного их наполнения. «Требуется, чтобы всякий человек имел не только обеспеченные средства к существованию и достаточный физический отдых, но и

¹ См. подр.: Нудненко Л.А. Личность в координатах взаимодействия гражданского общества и правового государства // Государство и право. 2015. № 4. С. 13–21.

² См. подр.: Исаев И.А. «О противоречиях у стоиков»: естественное право и справедливость // История государства и права. 2013. № 17. С. 2–6; Его же. Справедливость и порядок // История государства и права. 2015. № 6. С. 3–9.

³ См.: Антология мировой правовой мысли // Европа — Америка XVII–XX вв. М., 1999. Т. 3. С. 456.

⁴ См.: Менгер А. Новое учение о государстве. СПб., 1905. С. 335.

⁵ Еллинек Г. Социально-этическое назначение права, неправды и наказания. М., 1910. С. 48.

чтобы он мог также пользоваться и досугом для своего духовного совершенствования»⁶.

Естественное право человека жить и совершенствоваться было бы пустым звуком, если бы оно зависело от произвола другого человека, которому захочется убить или искалечить своего ближнего или отнять у него средства к существованию⁷. Подчеркивая роль права в реализации права на достойное человеческое существование, В. Соловьев пишет, что задача права вовсе не в том, чтобы лежачий во зле мир обратился в Царство божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад⁸. Задача общества состоит прежде всего в защите жизни и имущества всех от посягательств внешних и внутренних врагов, а затем в образовательной, санитарной, продовольственной и иной помощи индивидам. Таким образом, В. Соловьев вкладывает в содержание права на достойное человеческое существование, во-первых, широкий смысл, не ограничивая его только материальными условиями жизни, а, во-вторых, подчеркивает роль государства в его обеспечении.

Разработка В. Соловьевым концепции права на достойное человеческое существование проходила в исторический период социально-ориентированного обновления классического западного и русского либерализма. В связи с резкой социально-экономической поляризацией буржуазного общества выдвигаются идеи социального реформирования общества, смягчение противостояния богатых и бедных. XX в. знаменуется формированием идеи прав человека второго поколения, которое сопровождается борьбой за улучшение экономического уровня трудящихся, повышение культурного статуса широких слоев населения. Позитивное решение этой задачи предполагает организующую, планирующую и иную деятельность государства по обеспечению этих прав⁹. Таким образом, можно сделать вывод, что «нравственно-правовой порядок, предлагаемый русским мыслителем, совпадает с содержанием понятия правового государства, в котором права человека по отношению к государству

рассматриваются как определяющий системообразующий фактор»¹⁰.

Дальнейшее развитие идеи права на достойное человеческое существование в российской политико-правовой мысли связано с рассмотрением этой идеи в контексте концепции социального государства.

П.А. Новгородцев ставит вопрос о признании за указанным правом не только нравственного, но и юридического значения¹¹. «Задача и сущность права состоит действительно в охране личной свободы, но для осуществления этой цели необходима и забота о материальных условиях свободы; без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически. Таким образом, именно во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях ее осуществления; во имя достоинства личности оно должно взять на себя заботу об ограждении права на достойное человеческое существование»¹². П.И. Новгородцев призывал закрепить право на достойное человеческое существование в Декларации прав человека и гражданина и к дальнейшей разработке этого права позитивным правом.

По мнению П.И. Новгородцева, потребности человека разнообразны и субъективны и определить точно, где начинается образ жизни, достойный человека, нельзя. Однако из этого не следует, что праву здесь нечего делать и нечего определять. В каждом обществе есть свой уровень жизни, который считается нормой, и есть свой предел, за которым начинается недопустимая крайность. «Можно спорить о восьми- или девятичасовом рабочем дне, но совершенно очевидно, что пятнадцать или восемнадцать часов работы есть бессовестная эксплуатация. Можно спорить о возможных размерах жилища в сторону отклонения вверх от минимальной нормы; но бесспорно, что темные и сырые подвалы противоречат всяким нормам допустимого и возможного. Право и становится на этот путь, когда оно берет на себя определение известных условных норм. И в этом случае имеет огромное значение уже одно признание принципа охраны лич-

⁶ Соловьев В. Оправдание добра: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 423.

⁷ См.: Соловьев В. Право и нравственность. Минск, 2001. С. 22–44.

⁸ Там же. С. 42.

⁹ См.: Кислов А.Г., Кропанева Е.М., Москаленко М.Р. Идея права на достойное существование: социально-философский анализ. Екатеринбург, 2013. С. 42.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ См.: Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование [Электронный ресурс]. М.: Научная цифровая библиотека PORTALUS. URL: http://prometa.ru/projects/humanitarian/11/10/copy_of_0 (дата обращения: 17.11.2004).

¹² Там же.

ности в каждом человеке. То, что особенно гнетет и удручает тружеников жизни, — это сознание своей незащищенности и беспомощности в жизненной борьбе. Высказать в самом законе принцип поддержки всех слабых и незащищенных — это значит возвысить в них чувство собственного достоинства, укрепить сознание, что за них стоит сам закон»¹³. Автор делает вывод об обязанности государства обеспечить охрану интересов трудящихся при помощи объективного права путем регулирования санитарных условий труда, признания за каждым трудящимся права на обеспечение по болезни, неспособности к труду и старости. Достижению этой цели призваны способствовать профсоюзы, целью создания и деятельности которых является защита законных интересов трудящихся.

Признавая необходимость помощи гражданам со стороны государства, С.И. Гессен пишет о необходимости активной интенции со стороны индивидов (акт права-притязания по отношению к государству) на минимум образования, вспомоществования и т. п. Новый либерализм состоит в восполнении формального правового равенства социальным равенством через осуществление определенных социальных реформ со стороны государства¹⁴. При этом С.И. Гессен считает необходимым обеспечение государством определенного оптимального уровня свободы и творчества граждан.

Поиски баланса между гарантиями свободы личности и правом государства перераспределять жизненные блага оказались весьма сложными. В связи с этим в XX в. появляется концепция «качества жизни», согласно которой право на достойное человеческое существование интегрирует права всех трех поколений прав человека и определяет не только социально-экономическую доктрину «свободы от нужды», но и дополняется правами на справедливый суд, образование, защиту прав потребителей и др. Стремление к росту качества жизни становится одной из первых в числе декларируемых целей государственной политики и социальной работы современных развитых стран. Однако в рамках данной концепции прослеживается обедняющее содержание идеи права на достойное человеческое существование, сведение ее не к качественным, а преимущественно количественным характеристикам «потребительской корзи-

ны», «прожиточного минимума» (Э. Аллард, А.И. Субетто, И. Крэвис, М. Джилберт)¹⁵.

Отсутствие строгой обязанности государства выполнять социальную обязанность по обеспечению права на достойное человеческое существование порождает разочарование в обществе, рассматривается как демагогия, манипулирование в интересах правящей элиты, перекладывающей тяготы кризиса на плечи народа. Так, в 2015 г. на долю 10 % наиболее обеспеченных слоев населения России приходилось 29,4 % общего объема денежных доходов, а на долю 10 % наименее обеспеченного населения — 2,1 %¹⁶. Таким образом, в современной России воспроизводится социальный раскол, характерный для общества XIX в., наблюдаются рассогласованность интересов правящей элиты и народа, коррупция, бюрократизация всех сфер жизни общества. Это подчеркивает актуальность и своевременность не только обсуждения, но и решения проблемы права человека на достойное человеческое существование не только путем правовой конкретизации, но и прежде всего обеспечения его в реальной жизни.

Полагаем возможным сделать вывод о недопустимости сведения права на достойное человеческое существование только к социально-экономическим правам, к обеспечению прожиточного минимума индивидам. Поскольку социально-экономические права являются следствием не «благодеяния», не подарка государства, а результатом борьбы трудящихся за их расширение, повышение культурного уровня, уважение достоинства личности, они достигаются посредством политической борьбы, использования политических прав индивидов. Поэтому считаем необходимым включить в содержание права на достойное человеческое существование помимо социально-экономических прав и свобод также гражданские, политические и культурные права и свободы личности, реализация которых способна обеспечить достойное человеческое существование, в основе которого находятся достоинство личности и принцип справедливости. Кроме того, полагаем возможным характеризовать рассматриваемую категорию не только как субъективное комплексное право индивида, но и

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Гессен С.И. Избранные сочинения. М., РОССПЭН, 1998. С. 182.

¹⁵ Кропанева Е.М. Идея права на достойное человеческое существование: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2009.

¹⁶ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 г. // Российская газета. 2016. 24 марта.

обязанность государства, без которой данное право превращается в красивую декларацию.

Литература

1. Антология мировой правовой мысли // Европа — Америка XVII—XX вв. М., 1999. Т. 3.
2. Гессен С.И. Избранные сочинения. М.: РОС-СПЭН, 1998.
3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год // Российская газета. 2016. 24 марта.
4. Еллинек Г. Социально-этическое назначение права, неправды и наказания. М., 1910.
5. Исаев И.А. «О противоречиях у стоиков»: естественное право и справедливость // История государства и права. 2013. № 17. С. 2–6.
6. Исаев И.А. Справедливость и порядок // История государства и права. 2015. № 6. С. 3–9.
7. Кислов А.Г., Кропанева Е.М., Москаленко М.Р. Идея права на достойное существование: социально-философский анализ: монография. Екатеринбург, 2013.
8. Кропанева Е.М. Идея права на достойное человеческое существование: автореф. дис. ... филос. наук. Екатеринбург, 2009.
9. Менгер А. Новое учение о государстве. СПб., 1905.
10. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование [Электронный ресурс]. М.: Научная цифровая библиотека PORTALUS. URL: http://prometa.ru/projects/humanitarian/11/10/soru_of_0 (дата обращения: 17.11.2004).
11. Нудненко Л.А. Личность в координатах взаимодействия гражданского общества и правового государства // Государство и право. 2015. № 4. С. 13–21.
12. Соловьев В. Оправдание добра: в 2 т. М., 1990. Т. 1.
13. Соловьев В. Право и нравственность. Минск, 2001.

Теоретическое обоснование ограничения государственного суверенитета и его реализация в современной практике межгосударственных отношений

*Красинский Владислав Вячеславович,
эксперт Российского общественного института избирательного права,
член ОНМКС при ЦИК России,
доктор юридических наук
vkr@fromru.com*

В статье рассматриваются теории ограничения государственного суверенитета, их развитие и реализация в современной практике межгосударственных отношений. Автор обосновал экономические, политические и идеологические факторы американского глобального доминирования, связанные с ограничением отдельных государственных суверенитетов преимущества политической системы США, выделил исторические этапы становления нового мирового порядка.

Ключевые слова: глобализация, мондиализм, государственный суверенитет, ограничение суверенитета, доктрина мирового правительства, теория международных границ, теория мирового гражданства, теория компетенции.

Theoretical Justification of the State Sovereignty Limitation and Its Realization in Modern Practice of Interstate Relations

*Krasinskiy Vladislav V.,
Expert of the Russian Public Institute of Election Law,
Member of the Public Scientific Methodical Consultative Council
under the Central Election Commission of Russia,
Doctor of Law*

In the article the theories of limitation of state sovereignty and their development and implication in modern international relations' practice are studied. The author proved economical, political and ideologi-

cal factors of global American domination, and advantages of USA political system connected with limitation of some countries' sovereignty, underlined historical stages of creation of modern world order.

Key words: *globalization, mondialism, state sovereignty, limitation of sovereignty, world government doctrine, theory of international borders, theory of world citizenship, theory of competence.*

В 2014 г. произошли важнейшие события, которые заставили переосмыслить роль отдельных стран в системе международной и региональной безопасности.

В связи с вступлением Крыма в состав Российской Федерации и провозглашением Новороссии на юго-востоке Украины в отношении Российской Федерации, ряда должностных лиц и организаций, якобы причастных к дестабилизации ситуации в Украине, Соединенными Штатами и ЕС в нарушение норм международного права были введены ограничительные политические и экономические меры¹. Инициатором введения санкций стало руководство США, под давлением которого к санкциям присоединился Евросоюз.

По мере углубления разногласий между Москвой и Вашингтоном отмечается нарастание интенсивности и остроты антироссийских информационно-пропагандистских акций в западных СМИ. Вместо объективного освещения событий населению подается искусно созданная виртуальная реальность: нежелательные для западной общественности сведения либо полностью замалчиваются, либо грубо искажаются². Экспансионистские цели и оправдание гонки вооружений маскируются рассуждениями о необходимости защиты от «внешней агрессии». Наиболее активно такие приемы используются в ходе

освещения гражданской войны на юго-востоке Украины.

Зарубежные СМИ и политические элиты вернулись к агрессивной риторике «холодной войны». Было предложено «изолировать» Россию и возродить «демократическую коалицию Запада» времен «холодной войны» с главенствующей ролью Соединенных Штатов. По мнению руководства США и блока НАТО, новое мироустройство и система безопасности должны обеспечиваться Организацией Североатлантического договора, которая, в отличие от неэффективной ООН, способна предотвращать конфликты, осуществлять контроль за нераспространением оружия массового поражения и оперативно проводить «гуманитарные» силовые акции. Эти программные заявления «удачно» совпали с наращиванием финансирования и размещением в Европе дополнительных воинских подразделений НАТО, заявлениями о необходимости расширения Альянса за счет Украины, Грузии и Молдавии.

Попытки экономического давления и политической изоляции России связаны с тем, что российское государство является объективным препятствием для передела мира по американской модели, а наличие у России ядерного оружия, уникальные сырьевые и энергетические ресурсы, частично контролируемое информационное пространство затрудняют Соединенным Штатам глобальное доминирование. Неудавшаяся попытка «цветной революции» и неспособность «единой оппозиции» подготовить смену политического режима в России при поддержке извне не оставили антигосударственным силам другого пути, кроме открытого ослабления и подрыва ее государственного суверенитета³.

Важно иметь в виду, что ограничение государственного суверенитета нуждается в подробном теоретическом обосновании. С одной стороны, разрабатываемые специалистами концепции, стратегии, доктрины должны содержать аргументацию необходи-

¹ В апреле 2014 г. не признавшие легитимность антиконституционного переворота в Киеве жители Донецкой и Луганской областей провозгласили создание «народных республик» и объявили о своем суверенитете. Власти Украины начали в Донбассе карательную операцию против жителей региона.

² Весьма характерными являются попытки придания легитимности новым правителям Украины, пришедшим к власти в результате государственного переворота. В соответствии с политикой «двойных стандартов» силовые действия радикальной оппозиции и неонацистских сил на Евромайдане подаются как мирные демонстрации, а гражданские акции протеста жителей Донбасса — как «незаконные и сепаратистские действия». Одновременно чиновниками зарубежных правительственных структур и межгосударственных органов, иностранными СМИ осуществляется широкомасштабная кампания по обвинению России в попытках дезинформировать мировое сообщество относительно собственных планов в отношении Украины.

³ В этой связи особого внимания заслуживает инициатива Федерального конгресса США по принятию в 2014 г. законопроекта «Russian Aggression Prevention Act 2014» («Акт о предотвращении агрессии со стороны России 2014»), предусматривающего ежегодное выделение 10 млрд долларов в период 2015–2017 гг. на «развитие демократии» в Российской Федерации.

мости усиления ведущей роли США в международных отношениях. С другой стороны, новые, более утонченные и разнообразные формы поддержания мирового лидерства Соединенных Штатов должны быть основаны на постепенном ограничении суверенитета и использовании потенциала (ресурсы, рынки, кадры, технологии) интересующих американское руководство государств.

Несмотря на то что государственный суверенитет, как верховенство и независимость государственной власти внутри страны и за ее пределами, является обязательным признаком любого государства, далеко не каждое государство им фактически обладает. В истории известны многочисленные примеры ограниченного суверенитета государств: колонии; вассальные государства (Румыния и Сербия до 1878 г., Болгария до 1908 г., индийские княжества до 1947 г.); протектораты (Марокко и Тунис до 1956 г.), капитуляции (Турция до 1923 г., Иран до 1928 г., Египет до 1937 г., Китай до 1943 г.); подмандатные и самоуправляющиеся территории (территории, отторгнутые от Германии и Турции в итоге Первой мировой войны)⁴; международные селтльменты и сервитуты и др.⁵ Ограничение государственного суверенитета является одним из традиционных средств расширения сфер влияния государств, претендующих на мировое лидерство. Американская политическая доктрина на протяжении XX–XXI вв. является ярким тому подтверждением. Рост экономического могущества, политического, культурного и идеологического влияния США в мире в начале XX в. способствовал поиску идей, теоретически обосновывающих появление и существование новой мировой империи. А поскольку интересам США противоречило существование региональных держав-конкурентов, проводя-

щих относительно независимую внутреннюю и внешнюю политику, в качестве альтернативы государственным суверенитетам была предложена идея единого «мирового правительства». Эта доктрина, обосновывающая слияние всех государств в единое образование во главе с «мировым правительством», позднее получила известность под названием «мондиализм». Наиболее активную разработку она в различных вариациях приобрела после окончания Второй мировой войны. Весомый вклад в создание теорий ограничения суверенитета и доктрины мирового правительства внесли американские теоретики Бжезинский, Вейгарт, Вилкоккс, Гарднер, Дейч, Джессеп, Кларк, Кельзен, Киссинджер, Леви, Мейер, Мерриэм, Митрани, Сон, Спикмен, Фальк, Харрисон, Холл, Эциони и др.

Концептуально доктрина «мирового правительства» основана на координации политики в мировом масштабе и принижении роли суверенных государств в международных отношениях. Создание доминирующего мирового центра под эгидой США является стратегической целью, а многочисленные теории ограничения государственного суверенитета выступают тактическим средством достижения этой цели. Теоретический блок концепций ограничения государственного суверенитета состоит из геополитической, экономической, коммуникативной и юридической составляющих.

Значительная часть теорий «ограничения государственного суверенитета» уходит корнями в геополитику. В работах «Американская стратегия в мировой политике» и «География мира» одного из первых американских геополитиков Спикмена обозначены десять критериев, на основании которых следует определять геополитическое могущество государства. К их числу относятся⁶:

- 1) территория государства;
- 2) природа границ;
- 3) население;
- 4) наличие полезных ископаемых;
- 5) экономическое и технологическое развитие;
- 6) финансовая мощь;
- 7) этническая однородность;
- 8) уровень социальной интеграции;
- 9) политическая стабильность;
- 10) национальный дух.

На взгляд Спикмена, если государство по этим критериям оценивается невысоко, оно

⁴ Статья 22 Устава Лиги Наций предусматривала возможность предоставления тому или иному государству международного мандата от Лиги Наций на управление той или иной страной или территорией. Мандаты были выданы: Англии — на Ирак, Камерун, Палестину, Трансиорданию и Западную Африку; Франции — на Сирию, Ливию, Того; Бельгии — на Руанда-Урунди; Японии — на острова Океании; Австралии и Новой Зеландии — на острова Новой Гвинеи, Самоа и ряд др.

⁵ Помимо перечисленных открытых форм зависимости государств необходимо различать скрытые формы экономической зависимости государств. Не случайно в Стратегии национальной безопасности США 2015 г. выделены «слабые государства», «неустойчивые страны» (со слабо функциональной системой государственного управления) и «государства-банкроты».

⁶ Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 1999. С. 63.

должно вступить в общий союз и уступить часть своего государственного суверенитета ради мирового геополитического порядка.

Другие американские ученые (Харрисон, Вейгарт) обосновывали ограничение государственного суверенитета с экономических позиций и увязывали его с лидирующим положением США. Они пытались доказать, что малые страны экономически нежизнеспособны и должны добровольно отказаться от «экономического суверенитета», подчинившись большому державам. Макроэкономическое управление в этом случае должно осуществляться Соединенными Штатами, а малые страны будут выполнять лишь роль поставщиков сырья. Видными представителями экономической составляющей теории ограничения государственного суверенитета являются Гарднер и Митрани. Гарднер возлагал надежду на подчинение США остальной части человечества за счет развитого предпринимательства, определяющего мировой порядок (*worldorder business*). Митрани в качестве важнейшего фактора мировой интеграции рассматривал контролируемые США международные финансовые институты.

Некоторые американские теоретики (Дейч, Киссинджер, Снайдер) выступают с позиций коммуникативного подхода к обоснованию необходимости ограничения государственного суверенитета и создания мирового правительств. По мнению сторонников данного подхода, одним из основных факторов отрицания государственного суверенитета являются межгосударственная взаимозависимость и международные контакты.

Юридическая составляющая теорий «ограничения государственного суверенитета» представлена «теорией международных границ» Холла, теорией «мирового гражданства», теорией компетенции, международно-правовыми теориями Адлера, Джессепа, Кельзена. По мнению Холла, «международная граница» проходит там, где сталкиваются интересы великих держав. Поэтому все территории на Земле входят в сферу верховенства той или иной великой державы⁷. Данная

⁷ Например, Берлинская конференция 1885 г. о разделе сфер влияния в Африке приняла решение, по которому каждое государство, завладевшее какой-либо территорией, обязано было объявить другим государствам об этом факте. Брюссельский институт международного права в своей декларации 1888 г. по вопросу о завладении новыми территориями указал, что завладение территории должно осуществляться от имени государства и сопровождаться нотификацией всем государствам. Кроме того, такое завладение

теория использовалась для обоснования создания военных баз США в иностранных государствах⁸.

Другой разновидностью юридических теорий «ограничения государственного суверенитета» является теория «мирового гражданства». Согласно этой теории государственное гражданство должно быть ликвидировано и заменено единым для всех людей «мировым гражданством». Пропаганда подобных идей направлена на обоснование ликвидации суверенных прав государств по определению правового статуса своего населения.

Следующая правовая вариация ограничения государственного суверенитета связана с теорией компетенции. Сторонники данной теории (Кельзен) заменяют территорию государства пространственной компетенцией и утверждают, что в мире не существует территорий, находящихся под исключительной властью одного государства.

Особый блок теоретического обоснования ограничения государственного суверенитета составляют концепции некоторых американских юристов-международников (Адлер, Джессеп, Кельзен)⁹. Суверенитет государства понимается ими исключительно как мотив и предпосылка войн. Отмена государственного суверенитета позволит обеспечить мир на Земле. Вместо конкуренции государств должно быть установлено «господство международного права»¹⁰. Признание прин-

должно сопровождаться установлением местной государственной власти, обеспечивающей порядок и управление. В истории известны и другие договоры об установлении сфер влияния (например, Англии с Португалией 1890 г., Англии с Италией 1891 г., Англии с Францией 1898 г.).

⁸ Лазарев М.И. За ликвидацию военных баз США на чужих территориях. М., 1959; Его же. «Теория компетенции» — апология военных баз США на чужих территориях // Правоведение. 1960. № 1. В советском международном праве создание военных баз за рубежом рассматривалось как скрытая форма приобретения чужих территорий. См.: Лисовский В.И. Международное право. М.: Высшая школа, 1970. С. 142.

⁹ Ф. Джессеп в работе «Современное международное право» предложил заменить понятие «государственный суверенитет» понятием «суверенитет международной организации» и заявил, что «цена государственного суверенитета — война». Цит. по: Лисовский В.И. Международное право. М.: Высшая школа, 1970. С. 64.

¹⁰ Можно «проследить общую тенденцию: сторонники примата международного права чаще всего представляли интересы великих держав, которые в течение длительного периода оказывали значительное влияние на развитие международного права и в силу этого в определенном смысле

ципа верховенства международного права над национальным связывают с именем Кельзена и его трудами «Проблема суверенитета», «Мир с помощью права». Последователи Кельзена выдвинули жесткую альтернативу: либо признавать суверенитет одного государства, исключая суверенитет других государств, либо отменить государственный суверенитет вообще.

В последних версиях теорий ограничения государственного суверенитета прямо не утверждается о мировом господстве Соединенных Штатов. Данная цель преследуется опосредованно. Предлагается реорганизовать ООН и осуществить верховенство права в глобальном масштабе с помощью США.

Как уже отмечалось, многие теории ограничения государственного суверенитета призваны обслуживать концепцию «мирового правительства», а мировое правительство, в свою очередь, должно стать средством осуществления политики США. Доктрина мирового правительства предусматривает формирование мировой системы финансового контроля, единое мировое законодательство, международную конституционную юстицию, создание наднациональных организаций и надгосударственных образований (Бжезинский, Кларк, Мерриэм, Сонн, Эциони).

В период международного экономического кризиса 2008 г. концепции «мирового правительства» и неоглобализации вновь активизировались. Известный французский политик и теоретик «нового мирового порядка» Ж. Аттали для вывода мира из глобального кризиса предложил создать «глобальную регулируемую систему» и реализовать «глобальный суверенитет»¹¹ путем создания мирового правительства, мирового парламента, мировых полиции, суда и юстиции, введения единой мировой валюты и мирового контроля за финансовыми рынками.

Ж. Аттали и другие сторонники универсального глобализма видят корень зла в самом государстве. Помимо создания наднациональных органов из национальной компетенции изымаются и передаются под международный контроль ядерное оружие, ядерная энергетика, ракетно-космическая техника, а также все богатства недр нашей планеты. Разумеется, государственные суве-

являлись международными законодателями. Таковыми выступали в первую очередь юристы США, Великобритании и Франции». См.: Тункин Г.И., Талалаев А.Н., Шибалева Е.А. Международное право. М.: Юрид. лит., 1994. С. 128–129.

¹¹ Аттали Ж. Мировой экономический кризис... что дальше? М., 2009. С. 152–154.

ренитеты в этом случае должны быть нивелированы, а действующие конституции и национальные правовые системы выброшены «на свалку истории»¹².

Идеологи управления глобальным обществом по сетевому принципу (нетократы Ж. Ришар, А. Бард, Я. Зондерквист) делают ставку на демонтаж современного политико-правового мироустройства как в его национальном, так и в международном аспекте. Они считают, что люди на всей планете попали в зависимость от мировых рынков. Экономическая глобализация влечет «денационализацию» экономики путем установления транснациональных сетей производства, торговли и финансов. Традиционные национальные государства становятся своего рода коммерческими единицами мировой политики. Глобализация порождает новые формы социальной организации, которые постепенно вытеснят национальные государства как первичные экономические и политические образования мирового сообщества. Соответственно, сетевым управлением будут вытеснены внутригосударственные и международный правопорядки, созданные Объединенными Нациями¹³.

Первые попытки практического воплощения доктрины мирового правительства относятся к 1920-м гг. XX в. В 1921 г. с целью создания мировой системы финансового контроля, предназначенной для управления глобальными политическими и экономическими процессами, был учрежден Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations). В 1937 г. в США начала свою деятельность первая организация (International Campaign for World Government), основной целью которой было формирование мирового правительства. В ноябре 1945 г. к работе приступил комитет по созданию Всемирного правительства, который к 1948 г. подготовил первый проект всемирной конституции (вошедший в историю как «чикагский проект», поскольку шесть из девяти составителей всемирной конституции были преподавателями Чикагского университета). «Чикагский проект» описывал всемирную федеративную президентскую республику. Президент

¹² Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013. С. 107.

¹³ Ришар Ж.Ф. Двадцать лет спустя. Глобальные проблемы и способы их решения // Россия в глобальной политике. 2003. № 2. С. 164; Бард А., Зондерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. Стокгольм, 2004. С. 12; Цит. по: Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 382.

всемирного государства наделялся не только исполнительными, но и судебными полномочиями в качестве верховного судьи и председателя Верховного суда. Предусматривалось создание вооруженных сил всемирной республики. Контроль за ними передавался одной из палат всемирного федерального собрания — палате наблюдателей под председательством Президента. Провозглашался один мировой язык. В 1954 г. образован Бильдербергский клуб, занимающийся планированием и координацией деятельности олигархических структур в различных странах мира. В 1973 г. Советом по международным отношениям была создана Трехсторонняя комиссия (Trilateral Commission) по урегулированию широкого спектра вопросов взаимодействия американской, европейской и тихоокеанской экономических зон. Одним из этапов на пути реализации глобальной американской стратегии создания мирового государства стало оформление политической компоненты Европейского Союза. Таким образом, теоретическая доктрина «мирового правительства» и «нового мирового порядка» превратилась в реальность.

Конец XX в. ознаменовался ликвидацией двухполюсной глобальной системы. В связи с устранением Советского Союза безоговорочное доминирующее экономическое, военно-политическое и идеологическое положение в мире стали занимать Соединенные Штаты. Как отмечает Бжезинский в работе «Великая шахматная доска», американское мировое превосходство породило новый международный порядок, который воспроизводит черты американской политической системы: систему коллективной безопасности (НАТО, Американско-японский договор о безопасности); региональное экономическое сотрудничество (АРЕС, NAFTA) и специализированные глобальные организации (Всемирный банк, МВФ, ВТО); демократическое членство в ключевых союзах и процедуры совместного принятия решения при доминировании Соединенных Штатов; глобальную систему конституционной юстиции¹⁴.

По мнению Бжезинского, «в случае сознательного или непреднамеренного отказа Америки от своего статуса единственной сверхдержавы реальной альтернативой американскому лидерству в обозримом будущем может быть только анархия в международ-

ном масштабе»¹⁵. Хотите вы это или нет, Америка несет ответственность за судьбы мира и устанавливает правила поведения для всех остальных государств. «Америка стоит в центре взаимосвязанной вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия. И именно здесь должны вестись политические игры в сфере власти, причем по внутренним правилам Америки»¹⁶. Приведенная цитата Бжезинского содержит весьма откровенное выражение сути мондиалистской модели мирового устройства, согласно которой «мировое правительство» становится единственным центром власти, а суверенной является только империя «нового мирового порядка».

Американское глобальное доминирование и политика ограничения отдельных государственных суверенитетов сложились не за один день. Этот результат стал закономерным следствием мирового политического развития в XX в. и системного взаимодействия экономических, политических и идеологических факторов.

В числе *экономических факторов*, способствующих укреплению гегемонии США, можно назвать: долларизацию значительной части национальных экономик, привязку мировых цен на сырье к американской валюте, предоставление контролируемые США финансовыми институтами кредитов отдельным странам, льгот в области торговли, налогообложения, таможенных сборов под условиями проведения определенных реформ, выгодных американской администрации, портфельные инвестиции американских компаний и частных лиц в национальные экономики и отрасли, установление экономических санкций за сотрудничество с отдельными государствами, стремящимися проводить независимую от Вашингтона политику, ответственное поддержание экономической отсталости ряда государств за счет ограничения их в доступе к передовым технологиям и разработкам, навязывание кредитов МВФ и каменных экономических проектов.

К *политическим факторам* относятся: принятие важнейших политических решений на форумах ограниченного состава под председательством США, осуществление односторонних военных акций, наруша-

¹⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. С. 41.

¹⁵ Там же. С. 231.

¹⁶ Там же. С. 40–41.

ющих нормы международного права, монополия на миротворческую деятельность в ряде регионов мира, легитимация Соединенными Штатами результатов выборов, проходящих в мире, избирательное использование международно-правового института признания государств в качестве инструмента проведения внешней политики, участие США в законодательной деятельности иностранных государств, принятие Конгрессом США законов для других стран мира, требования к иностранным государствам об экстрадиции, противоречащие национальному законодательству этих стран, игнорирование судебных иммунитетов иностранных государств, незаконное обращение взысканий на имущество иностранных государств, экстерриториальность и неподсудность американских военнослужащих и гражданского персонала, обслуживающего военные базы США за границей.

Идеологические факторы доминирования Соединенных Штатов в глобальном масштабе представлены: международным характером английского языка, монополией американских информационных агентств и СМИ на формирование и распространение информации в мире, стимулированием отъезда в США высококвалифицированных специалистов, ученых, деятелей культуры и искусства, ускорением научно-технического, технологического и информационно-телекоммуникационного отрыва Соединенных Штатов от других государств мира.

Особого комментария с точки зрения ограничения государственных суверенитетов заслуживают участие США в законодательной деятельности иностранных государств и принятие Конгрессом США законов для других стран мира.

В законотворчестве иностранных государств, представляющих интерес для Соединенных Штатов, главное внимание уделяется таким приоритетным сферам правового регулирования, как порядок организации и проведения выборов органов государственной власти, судоустройство и охрана правопорядка, деятельность неправительственных организаций, СМИ, свобода вероисповедания. Так, в преддверии выборов в Армении 2007–2008 гг. Соединенные Штаты поддержали разработку и модернизацию избирательного законодательства Республики Армения. В Комитет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам религии Агентством США по международному развитию вносились предложения об изме-

нении федеральных законов, регулирующих свободу вероисповедания и религиозную деятельность в России. Аналогичные призывы о пересмотре законов поступали от США Узбекистану, Казахстану и руководству ряда других государств — участников СНГ.

Нужно отметить, что США являются единственным государством, которое не только помогает национальным парламентам принимать внутригосударственные законодательные акты, отвечающие стратегическим интересам американской демократии, но и само принимает законы для других стран мира. Примером распространения юрисдикции Соединенных Штатов в отношении других государств является Закон о свободе вероисповедания в странах мира от 27 января 1998 г., Закон о демократии в России 2002 г., Закон о демократии в Беларуси от 20 октября 2004 г.

Закон о свободе вероисповедания в странах мира 1998 г. предписывает проведение Соединенными Штатами ежегодного анализа положения дел со свободой вероисповедания во всем мире и определении стран, которые «совершили или допустили особенно серьезные нарушения свободы вероисповедания» в отчетный период. После включения какого-либо государства в список «стран, вызывающих особую озабоченность» Государственный секретарь США принимает решение о том, какие действия (в том числе санкции) следует предпринять в отношении данной страны. Аналогичную политико-правовую природу имеет Закон о демократии в Беларуси 2004 г., предусматривающий помощь белорусским политическим партиям, неправительственным организациям и независимым СМИ и устанавливающий запрет правительственным агентствам США на предоставление кредитов и инвестиций правительству Беларуси.

В 2006 г. сенатский комитет США по юридическим вопросам единогласно проголосовал за законопроект, запрещающий зарубежным государствам создавать нефтяные и газовые картельные организации по типу ОПЕК. Закон давал разрешение администрации США преследовать правительства таких государств в судебном порядке. В проекте отмечалось: «Незаконными и нарушающими требования настоящего акта будут коллективные или иные совместные действия в форме картеля или иной ассоциации... со стороны любого зарубежного государства, инструмента или агента любого зарубежного правительства по ограничению добычи нефти, природного газа или сохранению цен на

нефть, природный газ или иной нефтепродукт, а также по любым ограничениям на торговлю нефтью, природным газом или другим нефтепродуктом»¹⁷. Тем самым иностранные государства — экспортеры энергоносителей лишались права «ограничивать добычу нефти и газа, устанавливать или сохранять цены на них». Важно иметь в виду, что впервые в мировой истории данный законопроект в интересах Соединенных Штатов обосновал правомерность выведения природных ресурсов из-под суверенитета того или иного государства.

Еще одним элементом американской «универсальной» юрисдикции стал «закон Магнитского» (*Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012*), который основывается на голословных заявлениях о систематическом нарушении в России основополагающих прав человека. Данный закон позволяет властям США оценивать деятельность российских официальных и частных лиц, выдвигать обвинения в адрес российских граждан, ущемлять во внесудебном порядке их имущественные и иные законные интересы на основании обвинений в нарушении национальных, иностранных и международных правовых норм¹⁸.

Однако распространением свободы во всем мире и регулированием международной энергетической и сырьевой политики роль Соединенных Штатов не исчерпывается. По мнению Государственного департамента США, «свободные государства еще должны подтвердить свою полную приверженность демократическому процессу». Иначе опять возникает риск попасть в «черный список стран оси зла» — под лазерные прицелы высокоточного оружия. Хотя внешне все выглядит вполне миролюбиво: «Цель политики США должна без каких-либо оправданий состоять из двух частей: необходимости закрепить собственное господствующее положение и необходимости создать геополитическую структуру, которая будет способна смягчать неизбежные потрясения и напряженность, вызванные социально-политическими переменами, в то же время формируя геополитическую сердцевину взаимной ответст-

венности за управление миром без войн»¹⁹. Теоретически сложно возразить З. Бжезинскому. А как на практике выглядит «политика управления миром без войн», мы знаем. Бомбардировки Судана, Югославии, Ливии и Сирии, вторжение контингентов вооруженных сил США и блока НАТО в Афганистан и Ирак наглядно продемонстрировали сущность и средства реализации политики американского глобального доминирования.

Настойчивые попытки американского руководства удержать доминирующее положение Соединенных Штатов в качестве мирового лидера можно объяснить, если проанализировать, какие возможности предоставляет выборочное ограничение отдельных государственных суверенитетов Америке.

С точки зрения экономики принуждение роли суверенных государств во имя доминирующего мирового центра под эгидой США дает: форсирование вывоза капитала, приобретение (расширение) рынков сырья (в первую очередь энергоносителей) и сбыта продукции, облегчение выноса экологически опасных производств и отраслей из США.

С точки зрения политики: формирование во всех регионах мира проамериканских политических режимов с контролируемой системой органов государственной власти и отвечающей национальным интересам США системой законодательства, размещение военных баз во всех стратегических районах земного шара; формирование новой системы международного права, ориентирующейся на потребности Соединенных Штатов и предоставляющей Америке исключительные преференции.

С точки зрения идеологии: формирование в общественном сознании ощущения безграничного превосходства американской науки, культуры и искусства, распространение мировоззренческих ценностей американского образа жизни, консолидация американского общества по внешнеполитическим вопросам, затрагивающим национальные интересы США.

С точки зрения социальной сферы: направление на социальные программы Соединенных Штатов денежных средств, полученных за счет снижения издержек производства, вывоза капитала в другие страны, гибкое сдерживание внутреннего потребления и роста жизненного уровня населения.

К чему приводило ограничение государственных суверенитетов для потерпевшей стороны, всем известно. Унизительные усло-

¹⁷ Батчиков С. Суверенная демократия как новая стратегия России // *Завтра*. 2007. 23 мая.

¹⁸ Нормы «закона Магнитского» предоставили Администрации США легальную возможность контролировать зарубежные активы российского крупного и среднего бизнеса, побуждать данную категорию российских граждан к лояльности США и отказу от любых действий, противоречащих интересам Соединенных Штатов.

¹⁹ Бжезинский З. Указ. соч. С. 254.

вия Версальского мирного договора для Германии послужили одной из причин Второй мировой войны. Мюнхенская конференция 1938 г., на которой представителям Чехословакии не было позволено обсуждать принятые решения, привела к уничтожению Чехословацкого государства. Показательные «гуманитарные» бомбардировки Югославии в 1999 г. повлекли за собой изгнание более 200 тысяч сербов из провинции Косово-Метохия и отторжение края в 2008 г. Гуманитарная оккупация Ирака под предлогом поиска оружия массового поражения вызвала всплеск непрекращающегося насилия и терроризма. Интервенция в Ливии (2011–2012 гг.) и поддержка антиконституционного переворота в Украине (2014 г.) с целью смены политического режима привели к гражданской войне и распаду государственности...

Стремление к глобальной гегемонии, империалистическая политика «экспорта демократий», «гуманитарных интервенций», «борьбы с диктаторскими режимами», попытки построить на основе НАТО новый мировой порядок и юридически оформить его представляют непосредственную угрозу и для России. По большинству параметров современные политические и военные установки НАТО (расширение блока за счет Украины, Грузии и Молдавии, развертывание позиционных районов системы ПРО в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе и космосе, принятие новой стратегической концепции НАТО, предусматривающей ведение силовых операций вне зоны действия Вашингтонского договора без санкции СБ ООН и др.) проти-

воречат интересам безопасности Российской Федерации.

Как представляется, современная система международной безопасности и практика межгосударственных отношений должны базироваться не на конфронтационных подходах «холодной войны», а на принципах уважения суверенитета, равноправия, независимости, доверия и взаимовыгодных отношениях государств в международных делах.

Будущее межгосударственных отношений основано на прагматизме, многовекторности, поиске решений актуальных проблем в рамках многосторонней дипломатии и коллективных усилий.

Литература

1. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 1999.
2. Лазарев М.И. «Теория компетенции» — апология военных баз США на чужих территориях // Правоведение. 1960. № 1.
3. Лисовский В.И. Международное право. М.: Высшая школа, 1970.
4. Тункин Г.И., Талалаев А.Н., Шибяева Е.А. Международное право. М.: Юрид. лит., 1994.
5. Аттали Ж. Мировой экономический кризис... что дальше? М., 2009.
6. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013.
7. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.
8. Батчиков С. Суверенная демократия как новая стратегия России // Завтра. 2007. 23 мая.

Полномасштабная рецепция права как основа модернизации

*Ткаченко Сергей Витальевич,
доцент кафедры «Социальные технологии и право»
Самарского государственного университета путей сообщения,
кандидат юридических наук
rektor2@rambler.ru*

Потребность в модернизации государства и права, влекущая за собой полномасштабную рецепцию права, возникает в период государственно-правового кризиса либо внешнеполитических вызовов (в том числе в условиях возможности военной и (или) экономической) агрессии. Использование полномасштабной рецепции может быть продиктовано не только попыткой доступа к различным политическим и экономическим благам, сколько опасением внешней военной и (или) экономической агрессии. Такая опасность зачастую приводит к рецепции разнообразных элементов иностранной культуры, способствующей быстрейшему выходу из политического, правового и экономического кри-

зиса. При анализе и оценке модернизационных проектов прошлого и настоящего, основанных на полномасштабной рецепции западного права, важно видеть истинные мотивы их разработки, те вызовы, на которые они реально отвечали. В процессе модернизации на основе полномасштабной рецепции права есть возможность утратить фактическую самостоятельность, попав под контроль (экономический, юридический, фактический, военный) донора.

Ключевые слова: право, полномасштабная рецепция, модернизация, Швеция. Петр I, военные уставы, донор, кризис, менталитет, реформы, конфликт.

Full Scale Reception of Law as a Basis of Modernization

*Tkachenko Sergey V.,
Assistant Professor of the Department "Social Technologies and Law"
of the Samara State University of Transport Communications,
Candidate of Legal Sciences*

The need for modernization of state and law, leading to a full-scale reception of law that arises during the period of state-legal crisis, or the foreign policy challenges (including in terms of military capabilities and (or) economic aggression. The use of full-scale reception may be dictated not only by trying to access a variety of political and economic goods, how much the fear of foreign military and (or) economic aggression. This danger often leads to the reception of various elements of foreign culture conducive to rapid out of the political, legal and economic crisis. In the analysis and evaluation of the modernization projects of the past and present, based on full-scale reception of Western law, it is important to see the true motives of their development, the challenges they meet. In the process of modernization on the basis of full-scale reception of law have the opportunity to lose the actual independence, once under control (economic, legal, factual, military) donor.

Key words: right, the full-scale reception, modernization, Sweden. Peter the Great, military codes, the donor, the crisis mentality, reforms, conflict.

Острая потребность в модернизации государства и права, влекущая за собой полномасштабную рецепцию права, возникает в период государственно-правового кризиса либо внешнеполитических вызовов (в том числе в условиях возможности военной и (или) экономической) агрессии. Кризис в общественно-политической жизни, как следствие, ведет к разрушению сложившегося правового менталитета и принудительной адаптации населения к новым политико-правовым реалиям.

Справедливо замечено, понятия «кризис» и «радикальные реформы» взаимообусловлены¹, что подтверждается исторической действительностью. Так, например, большинство древнейших реформ (Телепинуса в Хеттском царстве, Эхнатона в Египте, Иосии в Иудее и др.) являются закономерным следствием конфликтов, носивших социально-политический характер, либо социально-экономических и политических кризисов. Проводимые же центральной властью преобразования являлись лишь методом разрешения конфликта или выхода из кризиса².

С позиции кризиса целесообразно рассматривать и ситуацию с принятием хри-

стианства Киевской Русью. Первоначальная попытка выхода из кризиса с помощью языческой по характеру реформы была неудачной, вследствие чего была повторная попытка с принятием христианства. Здесь обращает на себя внимание обстоятельство, что отказ от самостоятельности в решении политико-правовых вопросов на основе языческой системы и принятие политико-правового комплекса православия мощного византийского государства с очевидностью свидетельствуют о культурной экспансии Византии. Игнорировать роль донора — Византии в этой спланированной акции для российского государства нельзя. Выиграла от христианизации Руси прежде всего и больше всего Византия.

По сути дела, принятие христианства привело к превращению русских земель в определенную управляемую периферию византийского мира. Другой вопрос — насколько эффективно было это управление.

Также показательно, что существовавший политико-правовой кризис не был решен и с принятием христианства. Отдельные кризисные явления, связанные с определенным отторжением христианских ценностей, ощущался на протяжении еще многих веков. Так, в «Слове некоего христолюбца» (XIII–XIV вв.) отмечается: «...Тако и сеи не мога терпети хрестьян двоеверно живущих, и верують в Перуна, и в Хорса, и в Мокошь, и в Сима, и в Ръгла, и в Вилы, их же числом 39 се-страницъ. Глаголят невелики и мнать боги-

¹ Каменский А. Российская империя в XIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 48.

² Чернышева А.З. Социально-политические конфликты в Месопотамии III тыс. до н. э. и методы их разрешения (к вопросу о реформах и контрреформах) // Социально-политические конфликты в древних обществах: сб. науч. тр. Иваново, 2001. С. 25.

нями и так покладывахуть имъ теребы, и куры имъ режутъ, и в огневе молятся, зовущее его Сврожичемъ, и чесновикомъ богомъ же его вторят. Егда же у кого будетъ пирь, тогда же кладутъ в ведра и в чаши и пьютъ, о идолехъ своихъ веселящеяся... иже в вере и во крещении тако не творятъ не токмо невежи, но и вежи — попове и книжици... Того ради не подобаетъ крестьяномъ игръ бесовскихъ играти, ежи есть плясание, гуденье, песни мирьскыи и жертвы идольскыи, еже молятся огневе под овиномъ, и Вилам, и Мокоше, и Симу, и Рьглу, и Перуну, и Роду и Рожанице... Не тако же зло творимъ просто, но смешаемъ некия ч истыя молитвы со проклятымъ молениемъ идольскимъ»³.

Соответственно, и в XIII, и в XIV в. на Руси были живы не только обычаи язычников — люди по-прежнему верили в старых богов: божества из семейства Перуна, которым Владимир поставил кумиры в 980 (9778) г., не исчезли, им приносили жертвы и посвящали праздники. И это делали люди, считавшие себя христианами, причем среди них были не только «невежи», как пишет автор Поучения, но и «вежи» — попы и книжники⁴.

Иными словами, *если существуют кризисные общественные явления, то возникает и «спасительная» идея полного или частичного отказа от своего исторического правового прошлого с активным использованием рецепции иностранного права, и наоборот, если в истории права выявляется факт полномасштабной добровольной рецепции, то ее предпосылки можно найти только в государственно-правовом кризисе.*

Кризисные явления могут возникать как по вине собственной государственной власти, так и обусловленные внешним фактором. Ситуация с проигрышем СССР «холодной войны» наглядно показывает, как может реализоваться ситуация, когда идут совместные усилия по развалу государства как изнутри, так и извне. Отказ от советского проекта, использование в качестве основного способа модернизации постсоветского права полномасштабной рецепции западного права свидетельствовало о фактической утрате самостоятельности российского государства.

Рецепция западной традиции права в постсоциалистической России с 1990-х гг. но-

сила полномасштабный характер, который нашел свое отражение в литературе. Так, исследователи замечают, что основой методологии законодательства начала 1990-х гг. можно назвать даже не сравнительно-правовой метод, а простой перевод зарубежного законодательства⁵; что «перенос» таких готовых норм часто вообще носил характер юридической эпидемии⁶, что такая рецепция — это «тяжелая болезнь»⁷. Однако суть такой «эпидемии» связывается исключительно с тем, что «Россия является субъектом глобальной политики»⁸. Хотя было бы честнее признать Россию рассматриваемого периода объектом глобальной политики Запада, чем полноценным самостоятельным членом мирового сообщества.

Кроме того, зачастую использование полномасштабной рецепции продиктовано не только и не столько попыткой доступа к различным политическим и экономическим благам, *сколько опасением внешней военной и (или) экономической агрессии.* Такая опасность зачастую приводит к рецепции разнообразных элементов иностранной культуры, способствующей быстрейшему выходу из политического, правового и экономического кризиса. Здесь достаточно ярким примером может служить полномасштабная рецепция в 1868 г. в Японии, где в результате угрозы внешней агрессии был взят курс на отказ от политической самоизоляции и на рецепцию лучших достижений западной культуры. В результате основательной модернизации японское государство стало конкурентоспособным Западу и смогло победить в русско-японской войне, с помощью Запада успешно противостояв Российской империи.

Военный фактор модернизации в истории России играл и продолжает играть определяющую роль. Сама страна — в ее огромных территориальных границах — формировалась в противостоянии постоянному внешнему давлению и периодической агрессии. Для модернизации выбиралось только самое необходимое, эффективно работающее

⁵ Малешин Д.Я. Причины правового нигилизма // Закон. 2009. № 1. С. 144.

⁶ Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного права. М., 1996. С. 55.

⁷ Бронский И.М. Русский этнос и его роль в осуществлении национальной политики России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С. 142.

⁸ Шишкарев С.Н. Правовой порядок в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 30.

в российских условиях, могущее в краткие сроки дать необходимый эффект.

Так, в условиях ожидания военной агрессии со стороны Швеции Петром I была проведена модернизация государства на основе шведского государственного устройства, считавшегося лучшим образцом для подражания во всей Европе. Этому способствовала и близость экономических систем Швеции и России, кроме того, шведская централизованная административная структура являлась отражением абсолютистской формы правления и импонировала русскому царю, заинтересованному в создании в своем государстве системы, направленной на его возвышение, подобно могущественной Швеции, поразившей в XVII в. мир своим подъемом⁹.

Эти факторы предопределили полномасштабную рецепцию шведского права в российскую правовую систему. Так, коллежская реформа осуществлялась на основе апрельского указа 1718 г., законодательно определившего рецепцию шведского права: «Всем Коллегиям надлежит ныне на основании Шведского Устава сочинить во всех делах и порядках по пунктам; а которые пункты в Шведском Регламенте не удобны, или с ситуацией сего Государства несходны, и оные ставят по своему рассуждению, и поставя об оных, докладывать, так ли им быть»¹⁰.

Шведский Устав является образцом для подражания и для Камер-Коллегии: «Повелено в Камер-Коллегии производить действие в сборах и в прочем по указам и по данным регулам Шведского Устава»¹¹. Такая же ситуация касалась и Юстиц-Коллегии: «Из Уложения и Уставов Шведских, что касается до Юстиц-Коллегии, то дела исправлять в Коллегии, а которые Государственные порядки, а именно: сколько Ландс-Гевдингов и над сколькими уезды один, и под ним, сколько каких чинов, и как оные связаны послушанием

и должностью, то выписывать и приносить в Сенат, где надлежит спускать с русскими обычаями, что может быть по старому, и что переменить, то все ставить на мере в Сенате»¹².

Шведское законодательство как объект для рецепции упоминается и в Именном Указе от 11 июня 1718 г. «О Своде Шведского регламента во всех Коллегиях с Русскими; О представлении Сенату разногласий и о подписании рапортов Президентам и Вице-Президентам»¹³.

Высочайшая резолюция на докладе Юстиц-Коллегии от 09.05.1718 разрешала вопросы, как лучше рецепировать те или иные институты. Так, одна из резолюций Петра I устанавливала на доклад о судебной системе Швеции: «Быть одному Уставу или Уложению... Судам быть по городам, а главным в каждой Губернии по одному, а малые под оными, а главные Губернские под Юстиц-Коллегией»¹⁴.

С 1718 г. на основе модели Шведского Земского управления в России были введены новые должности: Ландс-Гевдинг — Земской Голова, Обер-Данд-Рихтер — Высший Земский Судья, Ланд-Секретарь — Земской Дьяк, Бухгалтер — Земской надзиратель сборов, Ланд-Рент — Мейстер — Земский казначей, Ланд-Фискал — Земский Фискал, Ланд-Мессер — Межевщик, Профосс — тюремный староста; Ланд-Комиссар — Земской комиссар, Ланд-Рихтер — Земской судья, Ланд-Шрейбер — Земской подъячий, Кишпилль — Фохт¹⁵.

Рецепция идей, кодексов, уставов, регламентов и т. д. с успехом применялась и в во-

⁹ Алексеева Е.В. Использование европейского опыта управления государством при Петре I // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 19.

¹⁰ «О сочинениях Регламента всем Коллегиям, на основании Шведского Устава по пунктам и о составлении проекта по тем предметам, которые в Шведском Уставе определены несходно с положением Российского Государства и о поднесении по сему доклада Царскому Величеству». 28.04.1718 // Полный свод законов Российской империи. Т. 5. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

¹¹ Высочайшая резолюция на доношение Князя Голицына «О начатии Камер-Коллегии отправления дел по новому Регламенту с 1721 г.» // Полный свод законов Российской империи. Т. 5. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

¹² «О заимствовании из Уложения и Уставов Шведских устройств Юстиц-Коллегии». 09.05.1718 // Полный свод законов Российской империи. Т. 5. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

¹³ «О Своде Шведского регламента во всех Коллегиях с Русскими»; «О представлении Сенату разногласий и о подписании рапортов Президентам и Вице-Президентам». 11.05.1718 // Полный свод законов Российской империи. Т. 5. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

¹⁴ Высочайшая резолюция на докладе Юстиц-Коллегии «Об устройстве судебных мест по примеру Швеции, о переводе Шведского Уложения и об учинении свода Российских узаконений со Шведскими». 09.05.1718 // Полный свод законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5. С. 569.

¹⁵ «Об определении в Губерниях должностных людей, согласно с Шведским Земским управлением; о даче им инструкции и о введении в Санктпетербургской губернии нового управления с 1 июля». 26.11.1718. Именной // Первое собрание Полного свода законов Российской империи (1713–1719). СПб., 1830. Т. 5. С. 596–597.

енном деле. Так, в Военных Артикулах 1710 г. вводились наказания, широко применявшиеся в западной правовой традиции. Так, п. 36 устанавливал наказание за обнажение ножа на корабле: «...рука к маште ножом же да пририта будет потамест, дондеже сам у себя оную прорежет»; п. 37 определял наказание за «уязвление» на корабле или на берегу товарищей в виде «трижды проволочения под корабль»; п. 39 оговаривала наказание за убийство: «...живого виноватого с мертвым спина к спине связав, и вкупе с корабля в море бросить», и т. д.¹⁶

Изданные позже, Воинские Артикулы 1716 г.¹⁷ представляли собой перевод военных артикулов шведского короля Густава-Адольфа 1621–1632 гг., законов императора Леопольда I, датского короля Христиана V, французских ордонансов и регламентов¹⁸. При создании Морского Устава Петром I указывалось, что оно было «выбрано из пяти морских регламентов, и к тому довольную часть прибавили, что потребно, еже все чрез собственной наш труд учинено и совершено в Санктпетербурге, 1720 года Генваря в 13 день»¹⁹.

Традиция рецепции западных аналогов военных уставов, положений была продолжена императором Павлом I. Так, в Воинский Устав вводились прусские правила дисциплины, о чем свидетельствует следующее положение: «Рекрута заставлять маршировать без ружья до тех пор, пока не получит настоящую позытуру солдатскую; учить его как держать голову; сказать ему, чтоб голову не опущать, вниз не глядеть; а будучи под ружьем, подняв голову прямо, глядеть направо, и маршировать глядя на ту особу, мимо которой марширует. Маршировать вытянувши колено, носки вон, ногу опускать не на каблук, не згибая оной, а на носок, корпус держать прямо, а не назад, и не высовывая брюхо, но вытянув грудь и спину; и если рекрут не так, как выше предписано, стоит

под ружьем, то такового поправлять, показав ему неудобство»²⁰. В результате вооруженными силами Российской Империи был приобретен европейский облик, она приучалась к дисциплине, что не могло не сказаться положительно на их эффективности.

При анализе и оценке модернизационных проектов прошлого и настоящего, основанных на полномасштабной рецепции западного права, важно видеть истинные мотивы их разработки, те вызовы, на которые они реально отвечали. Например, следует иметь в виду, что советская модернизация 1930-х гг. также осуществлялась перед лицом остро ощущаемой угрозы иностранной интервенции. Именно в результате такого самоощущения широких слоев общества и одновременно сверхмобилизационных устремлений власти советская модернизация велась так, как если бы война уже шла, методами военного времени. Такое понимание позволяет иначе оценивать те издержки, на которые было готово идти и шло на деле советское общество²¹. В результате Россия (СССР) к середине XX в. была единственной страной в мире, которая осуществила модернизацию, не попав в зависимость от Запада, соединив коллективистскую ценностную парадигму с парадигмой модерна²².

Показательно, что жизнеспособность советской модели модернизации не исчерпалась крушением СССР. И сейчас советские идеи активно используются, развиваются в КНР, КНДР, Вьетнаме и на Кубе. Жизнеспособность также подтверждается тем, что Китай успешно осуществляет модернизацию, становясь по значимости мировой державой, составляя конкуренцию США²³. Все же остальные успешные современные модернизации, проведенные на основе рецепции западного права, жестко привязывают такого реципиента к определенному донору. Примером этого явления могут служить современная Япония, Европейский союз, слаженно поддерживающий любые пожелания США в отношении других стран (Россия, Ливия, Сирия, Югославия и т. д.).

¹⁶ Инструкция и Артикулы военные Российскому флоту. 04.1710 // Полный свод законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 4: 1700–1712. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_/search.php

¹⁷ Артикул Воинский 1716 г.. URL: <http://history.scps.ru/regulations/1716-02.htm>

¹⁸ См.: Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878; Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом. Артикул воинский. Вып. 2. СПб., 1882–1886.

¹⁹ Морской Устав. 13.01.1720. Акт поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества. 22.10.1721 // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи (1720–1722). СПб., 1830. Т. 6. С. 2.

²⁰ Воинский устав «О полевой пехотной службе». 29.11.1796 // Полный свод законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXIV. С. 29.

²¹ Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. М., 2008. С. 106.

²² Комаровский В.С. Политическая идентификация России: проблемы и перспективы // Социология управления. 2009. № 4. С. 12.

²³ Серегин А.В. Форма государственного правления (вопросы теории): дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2014. С. 111.

Литература

1. «О Своде Шведского регламента во всех Коллегиях с Русскими»; «О представлении Сенату разногласий и о подписании рапортов Президентам и Вице-Президентам». 11.05.1718 // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи. Т. 5. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
2. Алексеева Е.В. Использование европейского опыта управления государством при Петре I // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 19.
3. Артикул Воинский 1716 г. // URL: <http://history.scp.ru/regulations/1716-02.htm>
4. Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом. Артикул Воинский. Вып 2. СПб., 1882–1886.
5. Бронский И.М. Русский этнос и его роль в осуществлении национальной политики России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С. 142.
6. Воинский устав «О полевой пехотной службе». 29.11.1796 // Полный свод законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXIV. С. 29.
7. Высочайшая резолюция на докладе Юстиц-Коллегии «Об устройстве судебных мест по примеру Швеции, о переводе Шведского Уложения и об учинении свода Российских узаконений со Шведскими». 09.05.1718 // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5. С. 569.
8. Высочайшая резолюция на доношение Князя Голицына «О начатии Камер-Коллегии отправления дел по новому Регламенту с 1721 г.» // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи. Т. 5. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
9. Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. М., 2008. С. 106.
10. Инструкция и Артикулы военные Российскому флоту. 04.1710 // Полный свод законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
11. Каменский А. Российская империя в XIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 48.
12. Комаровский В.С. Политическая идентификация России: проблемы и перспективы // Социология управления. 2009. № 4. С. 12.
13. Малешин Д.Я. Причины правового нигилизма // Закон. 2009. № 1. С. 144.
14. Морской Устав. 13.01.1720. Акт поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества. 22.10.1721 // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи (1720–1722). СПб., 1830. Т. 6. С. 2.
15. «О заимствовании из Уложения и Уставов Шведских устройств Юстиц-Коллегии» 09.05.1718 // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи. Т. 5. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
16. «О сочинениях Регламента всем Коллегиям, на основании Шведского Устава по пунктам и о составлении проекта по тем предметам, которые в Шведском Уставе определены несходно с положением Российского Государства и о поднесении по сему доклада Царскому Величеству» 28.04.1718 // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи. Т. 5. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
17. «Об определении в Губерниях должностных людей, согласно с Шведским Земским управлением; о даче им инструкции и о введении в Санктпетербургской губернии нового управления с 1 июля». 26.11.1718. Именной // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5. С. 596–597.
18. Поляков А.Н. Древнерусская цивилизация: основные черты социального строя // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 70.
19. Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878.
20. Серегин А.В. Форма государственного правления (вопросы теории): дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2014. С. 111.
21. Слово некоего христолюбца, ревнителя по правой вере / Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). М., 1987. С. 123–125.
22. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного права. М., 1996. С. 55.
23. Чернышева А.З. Социально-политические конфликты в Месопотамии Штыс. до н. э и методы их разрешения (к вопросу о реформах и контрреформах) // Социально-политические конфликты в древних обществах: сб. науч. тр. Иваново, 2001. С. 25.
24. Шишкарев С.Н. Правовой порядок в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 30.

Россия — полигон современных информационных технологий

*Рымарь Светлана Викторовна,
заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Муромского института (филиала)
Владимирского государственного университета,
кандидат филологических наук, доцент
svetlavr@mail.ru*

Работа посвящена критике либерального переосмысления таких узловых категорий для русской научной мысли, как «русская нация», «народность», «русская идея». Переосмысление их осуществляется либеральными авторами под влиянием американского мифологизма, прагматизма, концепции условного (конвенционального) языкового знака. Методики применения в США указанных искусственных концепций давно внедрены в общественную жизнь и политику.

Ключевые слова: нация, государство, мифическое мышление, либерализм.

Russia is a Range of Modern Information Technologies

*Rymar Svetlana V.,
Head of the Department of Social Humanities
of the Murom Institute (Branch) of the Vladimir State University,
Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor*

The paper is devoted to criticism of liberal rethinking such nodal categories for Russian scientific thought, as “the Russian nation”, “nationality”, “Russian idea”. Reinterpretation of their authors carried out under the influence of liberal American mythologism, pragmatism, the concept of relative (conventional) of the linguistic sign. Methods of application in the U. S. for a long time these artificial concepts introduced in public life and politics.

Key words: nation, state, mythical thinking, liberalism.

Приход либеральной власти в России произошёл в тот момент, когда западный империалистический мир уже много лет жил под воздействием глобализации и управления сознанием общества с помощью разработанных информационных технологий, применяемых в электронных СМИ, печатной прессе, масскультуре, кино, литературе, политической пропаганде, театре, рекламе... Общим идеологическим прикрытием этих технологий служат, в сущности, виртуальные затверженные категории: «свобода слова», «свободные выборы», «права человека», «демократия» и другие «общечеловеческие ценности». И хотя сведения об этих «ценностях» так или иначе пробивали себе дорогу в советскую действительность, по-настоящему российский обыватель узнал их при либеральном правлении. Весь накопленный опыт таких технологий с помощью соответствующих западных служб, «агентов влияния», вылезших на свет внутренних недругов русской нации и России обрушился на российского обывателя, оказавшегося неподготовленным, неискушённым и в чём-то наивным, привыкшим верить за время советской

власти прессе, телевидению, радио, литературе... Отсюда странное, неожиданное на первый взгляд поведение не только русского обывателя, но и всего населения на постсоветском пространстве. Казалось бы, прожив 70 лет в обществе, где, несмотря на ошибки руководства, законом объявлялась социалистическая справедливость, вдруг советский человек принял капитализм в откровенно омерзительном его виде — дикий, грабящий общенародную собственность, присваивающий себе даже недра страны и вывозящий за границу в многомиллиардном валютном исчислении.

Сознание нынешнего российского общества управляется потоками информации с помощью гибких информационных технологий через СМИ, прессу и другие указанные выше каналы, на 90 % и более находящиеся в руках власть предержащих. Эта информация определяет общественное сознание, хотя по своему назначению она должна была бы отражать его.

Специально отработанными психологическими, лингвистическими и различными техническими приемами информация вбрасыва-

ется в сознание населения, ему навязывается то понимание происходящего, ту его оценку, которые нужны власти. Используются не только выверенные на практике информационные приемы, но и разрабатываются Т Е О Р И И, по которым в сознание подопытного населения внедряются виртуальные реальности, в окружении которых люди приучают жить.

Виртуальная реальность заслоняет в сознании настоящую действительность, делает человека неспособным ориентироваться в ней, давать правильную оценку происходящему. В конечном счете она разрушает сознание человека; для него рушится не только настоящее, но и прошлое и будущее. Тем самым властители информационно-технологического общества достигают своей цели. С таким человеком они могут делать все, что угодно, ибо он, строго говоря, уже лишен самостоятельного сознания, он стал пленником виртуального мира, созданного мастерами информационных технологий. Может быть, это одно из самых изощренных современных преступлений перед человечеством, ибо оно лишает человека возможности быть хозяином собственного сознания, т. е. того, что делает человека л и ч н о с т ь ю.

Главным орудием в одурманивании и извращении сознания русского обывателя является русский же язык в руках либеральных сирен. Надо думать, что за всю свою историю русский язык не испытывал таких перегрузок в выражении лжи, потому что не было таких глобальных средств воздействия, как современные российские СМИ, и столько прикупленных лжецов. Аудитория русофобов, владеющих СМИ, издательствами, типографиями, баснословными финансами, велика; поле, засеваемое ядовитыми, отравленными семенами, огромно. И не каждый российский обыватель способен распознать засеваемую заразу. Какие же всходы могут вырасти на нашем родном поле?

Либеральные «реформы» Ельцина — Гайдара затронули все стороны жизни русских людей: экономику, культуру, образование, здравоохранение, армию... Их губительные последствия мы испытываем каждодневно.

Но либералы-руссофобы, скрытые и явные «агенты влияния» уже давно исподволь, еще до ельцинских «реформ», как говорилось выше, осуществляют «национальную реформу». И, может быть, ее стратегические цели имеют для русского народа наиболее разрушительные последствия, поскольку в конечном счете преследуют ликвидацию русской нации как

единого субъекта своей и мировой истории. В своей практике психологического извращения сознания русского человека информационных дел российские мастера используют богатый опыт США.

Философы, ученые давно пытались разобрататься в природе и механизме выражения словами истины и лжи. Но объективные формальные критерии, подобные решению математических задач, в определении выражаемой словами истины или лжи не найдены. Трудность разрешения этой проблемы заключается в том, что каждый конкретный случай выражения того или иного содержания с помощью языка требует индивидуального анализа высказанных имен и суждений в их отношении к действительности и оценки этого отношения. Однако есть выработанные, но, к сожалению, редко применяемые на практике концепции об общих формах мышления, по которым можно судить об истинности языковых выражений по отношению к действительности.

О намеренном искажении восприятия действительности с помощью языка писали многие философы принципиально разных направлений. «Как много толковали о лживости чувств, как мало о лживости языка! — восклицал Л. Фейербах. — Но как, в конце концов, груб обман чувств, и как утончен обман языка!» [9, с. 75].

А.Ф. Лосев считал язык «третьим бытием» по отношению к материальному и идеальному бытию. Язык — материально-идеальное, субъективно-объективное образование. И как таковой, «язык может правильно отражать действительность, может ошибаться в ее отражении, но может и намеренно исказить ее, клеветать на нее» [3, с. 393].

Известный немецкий математик, логик и философ Г. Фреге пытался найти критерии выражения именем истины и лжи в отношениях между элементами структуры знаков естественного языка, а именно: между значениями имен и их смыслами, обозначаемыми понятиями и представлениями, классифицируя имена на «собственные», обозначающие реальные предметы и явления, и «пустые», вроде имени «нынешний король Франции». Такое имя, по Фреге, имеет с м ы с л, но не имеет значения, т. е. не имеет какого-либо соответствия в действительности. Он утверждал при этом, что в политическом словаре любого языка немало таких имен. В то же время смыслы имен, называющих реальные предметы и явления действительности, могут намеренно исказить сущность этих предметов и

явлений, представлять их в удобном для называющего автора виде [7].

Кто из российских обывателей да и незадачливых политиков сразу понял по смыслу имени «либерализация цен», что действия, скрываемые за ним либеральными «реформаторами», необходимо к банкротству промышленные предприятия, колхозы и совхозы, обесценят советские деньги, лишат в одночасье всех граждан СССР их сбережений и в конечном счете приведут к дикому, воровскому капитализму? Кто знал, что слово «секвестр» обозначает изъятие из бюджета страны запланированные на социальные нужды средства, которые «реформаторы» неизвестно куда дели? Из таких имен можно составить словарь либеральных «реформ» в России во всех областях жизни.

Но рядом существуют и такие концепции языкового знака, которые, напротив оправдывают произвольное, субъективистское применение знаков в отрыве от действительности. Американская прагматическая философия, в частности конвенциональная, условная по своей природе концепция языкового знака одного из основателей прагматизма Чарлза Пирса, семиотически узаконивает субъективистское, виртуальное использование языка. Согласно ей истинное значение знака устанавливает интерпретатор (индивидуальный или коллективный); истинность значения знака определяется тем, насколько это значение отвечает прагматическим интересам интерпретатора. Семиотически значение знака, его истинность есть, в свою очередь, тот знак, в который он может быть перефразирован, преобразован интерпретатором. Нет нужды обращаться к опыту, практике, эмпирическим исследованиям и доказательствам. Наше сознание, его истинность как бы растворены в языке, их нужно лишь выявить и определить с точки зрения наших практических интересов [3, с. 179]. По сути дела, Ч. Пирс предложил модернизированную форму мифического мышления, основанную на современном содержании, придав своему, по его терминологии, знаковому процессу наукообразный семиотический вид.

В отечественной науке сущность мифического мышления, по сравнению с другими формами мышления, например научным, наиболее глубоко объяснил выдающийся лингвист, этнолог и философ А.А. Потебня. Мифологическая форма мысли первообразна и потому была господствующей на заре развития человеческого общества. Это мышление было необходимо и формально, т. е. на

нем можно было выразить любое содержание. При этом «язык есть главное и первообразное орудие мифологического мышления» [6, с. 433]. Миф «есть *перенесение нашей субъективной мысли в объект*» (курсив наш. — С.Р.) [6, с. 433]. «Мифологическое мышление склонно считать, что объективно существующее слово есть сущность вещи» [6, с. 417]. Мифологическое мышление по своей природе априорно; «мышление, чем первообразнее, тем более априорно» [6, с. 418]. «При господстве (мифического мышления. — С.Р.) собственно научное мышление невозможно» [6, с. 421]. «Миф создается на почве веры в объективное существование (личной сущности) мысли» [6, с. 412].

Говоря о других формах, способах мышления, например о научном, А.А. Потебня подчеркивал, что способы мышления не отделены друг от друга, а исподволь вырастают один из другого, сосуществуя исторически длительное время. Только постепенно эволюционируя, один тип мышления начинает преобладать над другим, полностью, однако, его не исключая. Изменения способов мышления настолько медленны, «что вряд ли могут быть замечены в короткие периоды, более или менее нам известные» [6, с. 437].

Мифический способ мышления не чужд нашему времени, поскольку субъективность присуща человеческому познанию. И современный человек может не замечать, что он оперирует мифическим по своей форме мышлением, которую он заполняет современным содержанием. Разумеется, одно дело, когда человек произвольно, не отдавая себе отчета, пользуется этой формой в своей повседневной жизни и исправляет свое поведение, руководствуясь чувством реальности. Но весьма опасно для народа, когда этот способ намеренно используется правителями страны для создания виртуальных реальностей, проще говоря, для обмана народа.

Целью же познавательных усилий человека является объективность, т. е. «согласие мысли с ее предметом»; «действительное знание для человека только знание сущности» [6, с. 154]. Но к этой цели человек приближается субъективным путем языка. «Следы прежних ступеней развития, разделяясь, не изглаживаются, а углубляются» [6, с. 369]. Мифическая форма мысли не лежит на поверхности, а может скрываться за современным содержанием, выраженным на современном языке.

Американская прагматическая концепция знака, обосновывая, в сущности, мифическую

форму применения знака как средства постижения истины, хорошо служит американскому империализму и глобализму, скрывая истинные цели. Например, подготовку к войне в космосе можно назвать «оборонной инициативой»; нападение на Югославию с целью захвата стратегической территории в центре Европы, варварские бомбардировки, разрушившие экономику, инфраструктуру некогда процветавшей страны, — «гуманной акцией или гуманной интервенцией»; агрессию против Ирака с целью захвата месторождений нефти и стратегических путей ее транспортировки — «борьбой против терроризма и атомного вооружения Ирака»; бесцеремонное вмешательство во внутренние дела неудобных США государств, не поддающихся их диктату, — «защитой прав человека», «демократии», «свободы слова» и т. д. и т. п.

Ученые на Западе, в той же Америке, отмечают, что американская пропаганда в СМИ весьма преуспела в создании виртуальных фабрикуемых реальностей под нажимом американских властей. Для американского обывателя эти реальности должны превратиться в «несомненную правду» [8]. Более того, американские лингвисты на основе анализа языка СМИ выбрали символом 2005 г. слово *truthness*, которое можно перевести как «правдоподобность». Профессор университета Северная Каролина М. Адамс рассматривал понятие *truthness* как «нечто правдивое, но не соответствующее фактам» [4]. В сознание американцев, живущих значительно лучше, чем народы России, подобные мифологемы вбрасываются, чтобы прикрыть преступные действия американского руководства по отношению к другим народам [1, 10].

В России же либеральное руководство, насаждая дикий, грабительский капитализм, проводя антирусскую национальную политику, использует американскую методологию внедрения мифического мышления с целью извращения сознания народа и превращения его в послушный, бессловесный внеациональный электорат. И в этом таится огромная опасность для России. В современном мире изощренных психотропных информационных технологий «виртуальное управление, — по словам А. Зиновьева, — может происходить сколь угодно долго» [2].

Литература

1. Бредихин А.А. О функциях государства // История государства и права. 2013. № 22. С. 17–20
2. Зиновьев А. Разгром СССР был ошибкой Запада // Завтра. 2006. № 20.
3. Лосев А.Ф. Специфика языкового знака в связи с пониманием языка как непосредственной действительности мысли // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 5.
4. Мельвиль Ю.К. Чарльз Пирс и прагматизм. М., 1968.
5. Неверов Ф. Мегамашина // Завтра. 2006. № 3.
6. Потенция А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
7. Фреге Г. Смысл и денотат // семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
8. Хоссудовски М. Сотканный враг // Сов. Россия. 2003. 20 марта.
9. Цит. по: Ленин В.И. Конспект книги Фейербаха о философии Лейбница // Философские тетради. М., 1978.
10. Юрченко Е.С. Проблема самоопределения наций в российско-американских отношениях в 1917 г. // История государства и права. 2013. № 4. С. 53–56.

Экстраполяция обычного этнического права пермских народов в современную правовую систему России*

*Плоцкая Ольга Андреевна,
доцент кафедры истории и теории государства и права
Коми республиканской академии государственной службы и управления,
член-корреспондент Международной академии образования,
кандидат юридических наук, доцент
olga.plockaya@mail.ru*

В статье рассмотрены особенности экстраполяции обычного этнического права пермских народов в современную российскую правовую систему. Особое внимание уделяется современным тенденциям, существующим во взаимодействии позитивного права и обычного этнического права пермских народов.

Ключевые слова: обычное этническое право, пермские народы, позитивное право, Конституция, санкционирование, правовой обычай, нормативный правовой акт, медиационный механизм.

Extrapolation of Ethnic Common Law of Permian Peoples to Modern Legal System of Russia

*Plotskaya Olga A.,
Assistant Professor of the Department of History and Theory of State and Law
of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management,
Corresponding Member of the International Academy of Education,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article considers features of extrapolation of ethnic common law of Permian peoples to modern Russian legal system. Special attention is paid to modern trends existing in the interaction of positive law and ethnic common law of Permian peoples.

Key words: ethnic common law, Permian peoples, positive law, Constitution, sanctioning, legal custom, regulatory legal act, mediation mechanism.

В современный период развития российской государственности необходимо отметить тенденцию, существующую во взаимодействии позитивного права и обычного этнического права пермских народов, направленную на замену правовых обычаев государственно-правовыми нормами. Подобная замена происходит по-разному. В качестве первой формы можно выделить санкционирование правового обычая через обеспечение обычая государственным принуждением, при котором правило поведения остается без изменений, но приобретает юридический характер, трансформируясь в правовую норму. Так, например, ранее существовал зырянский обычай открытия заседания общинного собрания старейшим, а значит, опытным ее членом. Сегодня этот обычай отражен в виде правовой нормы в абз. 2 ст. 72 Конституции Республики Коми, в которой право открытия

первого заседания Государственного Совета Республики Коми предоставляется старейшему по возрасту депутату.

По мнению Н.Н. Вопленко, «санкционирование следует понимать как выражение согласия, утверждение, наделение юридической силой какого-либо правила или акта»¹. С.А. Голунский считает, что «обычай превращается в правовую норму тогда, когда несоблюдение такого обычая влечет за собой применение соответствующей санкции со стороны государства»². Подобной позиции придерживаются С.Н. Братусь и И.С. Самощенко, которые отмечают, что «в результате санкционирования норма обычая становится правовой нормой»³. С этими авторами не

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ и Республики Коми, проект № 14-13-11001а(р) «Этноправовой мир коми (зырян)».

¹ Вопленко Н.Н. Источники и формы права: учеб. пособие. Волгоград, 2004. С. 20.

² Голунский С.А. Обычай и право // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 51.

³ Общая теория советского права // под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М., 1966. С. 163–164.

соглашается один из ведущих специалистов в сфере обычного права В.В. Наумкина, считая это утверждение спорным. «Ведь для того, чтобы появилась правовая норма, закрепление санкции недостаточно, необходимо, чтобы все элементы нормы были отражены в нормативно-правовом акте. Санкционированный обычай приобретает лишь некоторые черты правовой нормы, частично сохраняя при этом характеристики обычая. Санкционирование осуществляется путем закрепления в бланкетной норме отсылки к правовому обычаю, не закрепляя при этом всей нормы полностью»⁴. По нашему мнению, позиция В.В. Наумкиной является оправданной, так как только одной процедуры санкционирования недостаточно для возникновения правовой нормы.

Чаще всего сегодня в нормативных правовых актах санкционирование сводится к возможности использования обычая или сложившейся традиции. Так, например в ст. 24 Закона Республики Коми «О государственных языках Республики Коми» от 28.05.1992 устанавливается, что «при передаче личных имен, отчеств, фамилий за основу берется их традиционное написание. По желанию физического лица в паспорт, свидетельство о рождении и другие документы могут быть вписаны и традиционные коми имена в их традиционном произношении»⁵.

Законодательство не обязывает родителей основываться на обычае или сложившейся традиции. Государство обеспечивает защиту права родителей воспользоваться выбором, предлагаемым в законе. Таким образом, можно сделать вывод, что Закон Республики Коми «О государственных языках Республики Коми» санкционировал в данном случае обычай, связанные с написанием имени ребенка. Однако санкционирование сводится только к признанию, а не к наделению обычая санкцией государственного происхождения.

Подобным примером является Устав Пермского краевого отдельского казачьего общества Волжского казачьего войска, утвержденный Указом губернатора Пермского края от 10 сентября 2007 г. № 69, в котором определены органы управления казачьим обществом. Так, согласно ст. 28 Устава «Совет

стариков Общества избирается Кругом сроком на 3 года в количестве не менее 5 человек. Членами Совета стариков могут быть наиболее заслуженные и авторитетные казаки в возрасте 60 и более лет, знающие и соблюдающие традиции и обычаи казачества»⁶. В данном случае четко прослеживается санкционирование законодателем возможности выбора органов управления казачьим обществом, используя сложившийся обычай.

Следующей формой взаимодействия позитивного и обычного этнического права является отсылка к нему в нормативном правовом акте, который не поглощает правовой обычай. Правовой обычай в этой форме не утрачивает характер национального этнического права. Так, в подп. 10. п. 9 Закона Республики Коми «О некоторых вопросах муниципальной службы в Республике Коми» от 21.12.2007 № 133-ПЗ в обязанности руководителя включено «проявление уважения к нравственным обычаям и традициям народов Российской Федерации»⁷.

Аналогичным примером является ст. 1.3 Постановления Администрации муниципального района «Ижемский» «Об утверждении Положения о порядке принятия решений об установлении и прекращении публичных сервитутов в отношении земельных участков, расположенных на территории муниципального образования муниципального района „Ижемский“» от 2 сентября 2011 года № 656, в котором устанавливаются цели публичного сервитута. «Публичный сервитут может устанавливаться для обеспечения: ...сенокосения, выпаса сельскохозяйственных животных в установленном порядке на земельных участках в сроки, продолжительность которых соответствует местным условиям и обычаям»⁸.

Удмуртское законодательство и законодательство Пермского края также содержат

⁴ Наумкина В.В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX — начала XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 56.

⁵ Закон Республики Коми «О государственных языках Республики Коми» от 28.05.1992 // URL: <http://www.law.rkomi.ru/files/11/4149.pdf>

⁶ Указ Губернатора Пермского края «Об утверждении Устава Пермского краевого отдельского казачьего общества Волжского казачьего войска (Пермский отдел)» от 10 сентября 2007 г. № 69. Документ опубликован не был.

⁷ Закон Республики Коми «О некоторых вопросах муниципальной службы в Республике Коми» от 21.12.2007 № 133-ПЗ // URL: <http://vip.lgl.ru>

⁸ Постановление Администрации муниципального района «Ижемский» «Об утверждении Положения о порядке принятия решений об установлении и прекращении публичных сервитутов в отношении земельных участков, расположенных на территории муниципального образования муниципального района „Ижемский“» от 2 сентября 2011 г. № 656 // URL: <http://vip.lgl.ru>

аналогичные примеры. Например, в ст. 10 закона Удмуртской Республики от 29 февраля 2008 г. № 1-ПЗ «О статусе депутата Государственного Совета Удмуртской Республики» в обязанности депутата Государственного Совета вменяется соблюдение правил депутатской этики, утвержденных Государственным Советом Удмуртской Республики. А «целью рассмотрения вопросов депутатской этики является формирование и поддержание коллективных обычаев и индивидуальных норм поведения, способствующих укреплению и поддержанию авторитета Государственного Совета Удмуртской Республики, депутатов Государственного Совета, а также повышению эффективности деятельности депутатов Государственного Совета и Государственного Совета Удмуртской Республики в целом»⁹.

В Решении Березниковской городской Думы Пермского края от 31 июля 2007 г. № 325 «Об утверждении Правил землепользования и застройки в городе Березники» в ст. 51 определяются не только условия и цели, но и особенности учета местных условий и обычаев при установлении публичных сервитутов на территории города Березники. «Могут устанавливаться публичные сервитуты для: ... сенокоса и пастбы скота на земельных участках в сроки, продолжительность которых соответствует местным условиям, обычаям»¹⁰.

Даже в правовых актах глав муниципальных районов содержится целевая установка, направленная на сохранение и возрождение обычаев. Так, в распоряжении Главы Краснокамского муниципального района Пермского края от 7 апреля 2010 г. № 539-р «О проведении конкурса социальных и культурных проектов Краснокамского муниципального района» в п. 8 указывается подобная цель — «сохранение народной культуры через возрождение традиций, обычаев, праздников, преемственности поколений и семейной общности, промыслов и ремесел»¹¹.

⁹ Закон Удмуртской Республики «О статусе депутата Государственного Совета Удмуртской Республики» от 29 февраля 2008 г. № 1-ПЗ // Собрание законодательства Удмуртской Республики. 2008. № 17.

¹⁰ Решение Березниковской городской Думы Пермского края «Об утверждении Правил землепользования и застройки в городе Березники» от 31 июля 2007 г. № 325. Документ опубликован не был.

¹¹ Распоряжение Главы Краснокамского муниципального района Пермского края «О проведении конкурса социальных и культурных проектов Краснокамского муниципального района» от 7 апреля 2010 г. № 539-р. Документ опубликован не был.

Важно отметить еще одну современную тенденцию в процессе интеграции и взаимодействия российского позитивного и обычного этнического права пермских народов. Так, многие современные российские важнейшие нормативно-правовые акты имеют обычно-правовые корни, так как наряду со знаменитыми источниками права эпохи Просвещения, появившимися в результате революционных событий XVIII в., обычное этническое право сегодня является опосредованно их источником. «Обычай, как естественное право, косвенным образом предполагается действующей Конституцией РФ в качестве источника регулирования прав и свобод, не вошедших в Конституцию РФ»¹². Речь идет, прежде всего, о п. 2 ст. 17 Конституции РФ, где законодатель ставит во главу угла признание основных прав и свобод человека, наделяет их естественным характером и обеспечивает их и принадлежностью каждому с момента его рождения.

Аналогичные принципы неотчуждаемости основных прав и свобод человека также декларируются в п. 2 ст. 15 Конституции Республики Коми¹³, в п. 2 ст. 16 Конституции Удмуртской Республики¹⁴, в последней они названы основными правами и свободами не только человека, но и гражданина. Хотя в Уставе Пермского края отсутствует положение о неотчуждаемости основных прав и свобод человека и принадлежности каждому с момента его рождения, однако пермский законодатель в ст. 13 Устава Пермского края косвенно предполагает наличие и защиту таких прав: «...иные права и свободы человека и гражданина обеспечиваются и гарантируются в Пермском крае в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, федеральными и краевыми законами»¹⁵.

Кроме того, п. 1 ст. 55 Конституции РФ не отрицает наличия естественных прав человека, которые основаны на обычно-правовых ценностях: «...перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и

¹² Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 30–31.

¹³ Конституция Республики Коми // Ведомости Верховного Совета Республики Коми. 1994. № 2. Ст. 21.

¹⁴ Конституции Удмуртской Республики // Известия Удмуртской Республики. 1994. 21 декабря.

¹⁵ Устав Пермского края // Собрание законодательства Пермского края. 2007. № 5 (ч. I).

свобод человека и гражданина»¹⁶. В п. 1 ст. 18 Конституции Республики Коми и в п. 1 ст. 16 Конституции Удмуртской Республики также содержится подобная защита естественных прав человека.

Обычное этническое право содержит правообразующие принципы, отраженные сегодня не только в современных конституционных актах, но и даже, казалось бы, в далекой от обычно-правового регулирования такой современной отрасли права, как уголовное. Этноправосудие у пермских народов строилось на важнейших принципах. Так, среди них необходимо назвать принцип восстановления нарушенной справедливости. Если общинный сход рассматривал уголовные преступления, не относящиеся к категории тяжких, то, как правило, старейшины, применяя медиационный механизм, старались всегда завершить судебный процесс мировым соглашением, где учитывались интересы всех сторон. Мировые соглашения заключались даже в досудебном порядке. Так, при распределении земли между различными народами, входившими в состав Российского государства, часто использовался данный медиационный инструмент: «Се аз...Пахом Титов сын Кошечев да тое-ж новые слободки крестьяне ... дали еси сию мировую запись Каринским, и бессермянским и отяцким целовальникам...»¹⁷; «...вотяки выборные челобитчики... с товарищи дали на себя договорную мировую запись... и нашим отяцким целовальникам...»¹⁸.

Медиаторами успешно выступали и мировые посредники: «...ершовские крестьяне отказались вносить выкупные платежи, но, несмотря на упорство, убеждены мировым посредником по взыску платежей»¹⁹.

¹⁶ Конституция РФ // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

¹⁷ Мировая запись русского крестьянина Филипповской слободки Пахома Кошечева с товарищи и удмуртских и бессермянских целовальников от 7 ноября 1652 г. / Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков; сост. П.Н. Луппов. Ижевск, 1958. С. 67.

¹⁸ Челобитная выборных Косинских удмуртов Первуши Сентегова, Семена Удегова и Тохтамышки Семенова 8 августа 1700 года о размежевании земельных владений удмуртов и русских крестьян Новой Филипповой слободки / Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков Ижевск; сост. П.Н. Луппов. 1958. С. 80.

¹⁹ Из донесения И.Д. пермского губернатора Министру внутренних дел об отказе бывших удельных крестьян дер. Верхнего и Нижнего Армязей и Гоголей Ершовской волости вносить выкупные платежи от 14 июня 1866 г. / Хрестоматия по истории Удмуртии; под. общ. ред. В.Е. Майера. Ижевск, 1973. С. 73.

В современном Уголовном кодексе РФ²⁰ также прослеживается принцип, применявшийся в обычном этническом праве пермских народов, цель которого — восстановить справедливость. Так, в п. 2. ст. 43 УК РФ говорится, что «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости»²¹.

В обычном этническом праве пермских народов практически не было карательных форм и видов наказания, так как в общинном суде старались вынести не калечащую санкцию, а порицающее наказание или разрешить судебный процесс примирением сторон, даже используя механизмы возмещения убытков, понесенных пострадавшим. Аналогичный принцип сегодня заложен и в ст. 76 Уголовного кодекса РФ, когда законодатель предоставляет возможность освободить от уголовной ответственности, лицо, которое в первый раз совершило преступное деяние, доходящее до уровня средней тяжести, в случае, если это лицо уже возместило причиненный вред и совершило примирение с пострадавшим.

Сегодня происходит ограничение возможности применения норм обычного этнического права современным кодифицированным законодательством. Однако это не означает, что нормы обычного этнического права в современной правовой системе России не применяются. Так, в ряде диспозитивных норм законодателем предусматривается возможность применения правовых обычаев в тех случаях, если из них не следует иное правило, нежели то, которое уже было установлено законом.

Неурегулированность нормами права, наличие правовых пробелов в ряде гражданско-правовых отношений способствуют укреплению обычно-правовых воззрений и норм в жизни этнического саморегулирующегося общества.

В современной правовой науке правовой обычай может применяться вместе с таким источником права, как нормативный правовой акт, способствуя правильному толкованию и применению последнего. Правовая система современного правового Российского государства должна включать в себя элементы из складывавшихся веками обычно-правовых систем субъектов, входящих в состав России.

²⁰ Уголовный кодекс РФ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²¹ Молчанов Б.А., Гартфельд Е.Б., Королькова Т.В. Обычай в правовой системе России. Архангельск, 2007. С. 22.

Обычное и позитивное право в рамках единой правовой системы могут не только сосуществовать, но и не противоречить, а также дополнять друг друга как структурные элементы единой целостной системы и как элементы права.

Обычное этническое право, элементы которого распространены на уровне субъектов Федерации, в отличие от позитивного права, способно в короткие сроки заполнить пробелы, существующие в законодательной практике.

Литература

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 30–31.
2. Вепенко Н.Н. Источники и формы права : учеб. пособие. Волгоград, 2004. С. 20.
3. Голунский С.А. Обычай и право // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 51.
4. Луппов П.Н. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Ижевск, 1958. С. 67, 80.
5. Молчанов Б.А., Гартфельд Е.Б., Королькова Т.В. Обычай в правовой системе России. Архангельск, 2007. С. 22.
6. Наумкина В.В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX — начала XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 56.
7. Общая теория советского права / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. М., 1966. С. 163–164.
8. Хрестоматия по истории Удмуртии / под. общ. ред. В.Е. Майера. Ижевск, 1973. С. 73.

Учреждение и организационно-правовое становление регулярной полиции в Сибири в XVIII в.

*Коновалов Игорь Анатольевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Омского государственного университета,
кандидат исторических наук
konov77@mail.ru*

Рассмотрен процесс образования и организационно-правового становления полиции Сибири в XVIII в., характеризуются организация управления, функции и главные направления деятельности, роль полиции в управлении регионом.

Ключевые слова: история государства и права, полиция, Сибирь, администрация, полицейский, управление.

Establishment and Procedural Institutional Development of the Regular Police in Siberia in XVIII Century

*Konovalev Igor A.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History
of State and Law of the Omsk State University,
Candidate of Historical Sciences*

The article is devoted to the process of reorganization of police in Siberia in XVIII century The author emphasizes the role of the police in managing the region. Also he covers issues of the organization of management, functions and main lines of action of police.

Key words: history of the state and the rule, police, Siberia, administration, policeman, management.

В начале XVIII в., с установлением абсолютной монархии в стране была создана, по сути, новая модель местного управления в Сибири. Осуществляя реформирование, Петр I стремился ограничить управленческий произвол на местах, поставив управление в регионах под надзор центральных государственных учреждений, отделить судебную

власть от административной, а также создать регулярное полицейское управление.

В Сибири был создан сложный военизированный и специализированный административно-полицейский аппарат, ставший на века главной опорой местного управления. Объективно это вело к существенному ограничению круга субъектов, наделенных

административно-полицейскими функциями. В результате петровских преобразований оформились специализированные и разветвленные государственно-бюрократические институты, основанные на разделении государственно-управленческих функций, единоличном разрешении возникающих проблем при их коллегиальной подготовке, а также системе органов контроля и надзора за их деятельностью.

В XVIII в. административно-территориальное устройство Сибири менялось на основании императорских указов, а также «Учреждения для управления губерний» Екатерины II. Основные направления этих реформ заключались в рационализации регионального аппарата управления и становления государственной службы, вытеснении административных обычаев нормативными правовыми актами, в нормативном регулировании этих процессов.

Управление регионом из Москвы Сибирским приказом было весьма неэффективным, эффективности управления не способствовала также децентрализация власти на местах. В начале XVIII в. военное присоединение, экономическое освоение и административно-территориальное включение Сибири в систему управления российского государства в основном завершилось. Поэтому среди восьми губерний, учрежденных в России 18 декабря 1708 г., была Сибирская с административным центром в г. Тобольске. 30 января 1736 г. единая Сибирская губерния из-за огромной территории, которую она занимала, была разделена на две независимые друг от друга административные единицы. В ведении Сибирского губернатора остались Тобольская и Енисейская провинции. Иркутская губерния была вверена особому вице-губернатору. Таким образом, было положено начало административного размежевания Сибири на Восточную и Западную¹. 19 октября 1764 г., в правление Екатерины II, в Сибири были образованы две губернии — Тобольская и Иркутская.

В допетровское время охрана общественной безопасности в небольших сибирских городах обеспечивалась воеводами и городничими, которым подчинялись объезжие головы. Исполнительный персонал помимо объезжих голов составляли земские ярыжки, решеточные приказчики, «очные сторожа», казаки и стрельцы. Охрану правопорядка

осуществляли также сами общины, избирая для этого старост и целовальников. В начале XVIII в. сложившийся в России абсолютизм диктовал необходимость создания системы специализированных правоохранительных органов. Произошла функциональная дифференциация государственного аппарата: наравне с другими были созданы учреждения, профессионально занятые охраной и обеспечением правопорядка.

Органы регулярной полиции в Сибири были созданы позже, чем в других частях империи. При губернских и воеводских канцеляриях для сообщения распоряжений правительства были особые служащие — рассыльщики, а для преследования лиц, подозревавшихся в совершении преступлений, — сыщики, в помощь которым отряжались воинские команды². Регулярная полиция появилась в Сибири только в 1733 г. (в правление императрицы Анны Иоанновны), когда с 23 апреля 1733 г. в стране начала формироваться региональная полицейская система. В соответствии с актом «Об учреждении полиции в городах» в главном административном центре региона — Тобольске — была учреждена полицмейстерская контора³.

В соответствии с указанным актом в ее состав было предписано откомандировать из тобольского военного гарнизона капитана, унтер-офицера, капрала и восемь рядовых. Денежное содержание, паек и обмундирование полицейские получали наравне с военнослужащими гарнизона. В помощь полиции назначались из горожан так называемые караульщики, которые по ночам несли караульную службу и помогали задерживать правонарушителей. Кроме караульщиков горожане в помощь полиции на каждой улице были обязаны выбрать старост и десятских. Наряду с сотрудниками полиции к охране правопорядка в XVIII в. привлекались воинские команды. Полицейстерская контора находилась в подчинении Главной полицмейстерской канцелярии, а ее содержание осуществлялось за счет тобольского военного гарнизона⁴. В правление Анны Иоанновны была также учреждена должность товарища губернатора в ранге коллежского советника, по мнению И.Е. Андриевского, в этой должности можно

¹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год / сост. А.И. Дмитриев-Мамонов, К.М. Голодников. Тобольск, 1884. С. 212.

² Ануцин Е.Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872. С. 199.

³ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 9. СПб., 1830. № 6378.

⁴ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1984. Т. 5 / под ред. О.И. Чистякова. С. 155–159.

было увидеть зародыш будущих губернских правлений⁵.

Несколько позже была образована полиция г. Иркутска. В правление императрицы Елизаветы Петровны «в Иркутске для улучшения порядка и управления обывателям в постояях» была учреждена полиция. В Иркутск был прислан Главной полицмейстерской канцелярией откомандированный от Якутского полка секунд-майор. Уже в ноябре 1757 г. он создал полицейскую команду, которая также в соответствии с актом «Об учреждении полиции в городах» состояла из унтер-офицера, капрала и восьми рядовых и находилась в подчинении Главной полицмейстерской канцелярии⁶. Примерно тогда же городская полиция появилась в Енисейске, так же, как и в других центрах провинций, енисейская полиция состояла из полицмейстера, унтер-офицера, капрала, шести рядовых и двух канцелярских служителей⁷.

Акт «Об учреждении полиции в городах» 1733 г. завершил процесс создания регулярной полиции в губернских и провинциальных центрах Российской империи. Он был реально выполнен в Сибири и явился значительным этапом в создании нового аппарата управления на местах. Штаты сибирских городских полицейских органов (Тобольска, Иркутска и Енисейска) продолжали действовать полвека, до принятия Устава благочиния или полицейского. Полицейские органы в Сибири сразу же стали первичным организационным уровнем институтов государственной власти, действовавшими на территории губернских и провинциальных центров края во взаимосвязи с конкретным городским населением.

До последней четверти XVIII в. полиция Сибири действовала на основе принятого 16 января 1721 г. «Регламента или Устава Главного Магистрата»⁸. В нем была сделана попытка конкретизировать и уточнить задачи полиции, на основе которых можно сделать вывод, что законодатель склонен был рассматривать полицию не только как орган охраны внутренней безопасности и правопорядка, но и как орган общего внутреннего управления⁹.

Следующий важный этап организационно-правового становления полиции после Петра I и акта Анны Иоанновны «Об учреждении полиции в городах» произошел в правление Екатерины II и был во многом связан с крестьянско-казачьей войной под предводительством Е. Пугачева (1773–1775), которая показала слабость местного управления и правоохранительных органов. Полицейские органы были только в центрах наместничеств и губерний. В большинстве российских городов специализированного полицейского аппарата не существовало, как не существовало и штатных органов сельской полиции. В целом ряде местностей полицейские функции выполнялись военными гарнизонами. Местное управление, охрана правопорядка и борьба с преступностью, осуществляемые военно-административными методами, чаще всего не давали нужных управленческих результатов. Органы полиции также в зависимости от местонахождения имели различные принципы формирования и подчиненность. Усложнение задач по управлению страной требовало создания более широкой инфраструктуры, охвата полицейским контролем и защитой всего населения империи (полицейские органы до этого были лишь в 25 городах империи и трех городах Сибири). После подавления восстания, отклики которого были и в Сибири, законодатель осознал необходимость создания на местном уровне стройной и прочной системы государственных полицейских органов, способных успешно решать возникающие проблемы и конфликты.

7 (18) ноября 1775 г. Екатериной II было промульгировано «Учреждение для управления губерний Российской империи», в соответствии с которым в 1781 г. при распространении закона на Сибирь, была проведена кардинальная реформа административно-территориального управления краем. Согласно «Учреждению» 1775 г. губернатору подчинялись созданные городская и сельская полиция. Как начальник полиции края (ст. 84 «Учреждения») он обязан «обуздать излишества, беспутство, мотовство, тиранство и жестокость». В губернские правления, ставшие вплоть до Февральской революции 1917 г. важнейшим элементом полицейской власти на местах, входили губернатор как председатель, губернский прокурор и два советника. Этот орган, как и губернатор, был наделен главным образом административно-полицейскими полномочиями.

По «Учреждению» 1775 г., впервые была создана система полицейских органов в уез-

⁵ Андриевский И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С.113.

⁶ Российское законодательство...

⁷ РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Л. 15–16.

⁸ Регламент или устав главному магистрату // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 6. СПб., 1830. № 3708.

⁹ Анучин Е.Н. Указ. соч. С. 221.

дах. В соответствии со ст. 23 «Учреждения для управления губерний» в каждом уезде империи создавался нижний земский суд, который и представлял собой полицию. Нижний земский суд находился в полицейском отношении в прямой зависимости от губернского правления. Он состоял из исправника или капитана и 2–3 заседателей (в зависимости от численности населения). Нижний земский суд был коллегиальным органом власти¹⁰. Особенностью Сибири было то, что заседатели в Нижних земских судах по сословному происхождению в основном были не дворянами, как в центральных губерниях, а происходили из казаков, государственных крестьян и разночинцев. Они не избирались как в европейской России, а назначались коронной администрацией. Избранные на трехлетний срок члены нижнего земского суда являлись одновременно заседателями нижней расправы. Капитан-исправник утверждался в должности губернатором, подчинялся ему через губернское правление и являлся председателем суда. По истечении трехлетнего срока нижний земский суд обновлялся¹¹.

В последней четверти XVIII в. во всех уездных центрах Сибири появилась городская полиция, которая стала действовать независимо от сельской (нижнего земского суда). Уездные города стали управляться (ст. 25 «Учреждения») городничими, независимыми от органов управления уезда. Городничий назначался на должность Сенатом по представлению губернского правления¹².

Организация и функции полиции в городах базировались на «Учреждении для управления губерний» 1775 г. и «Уставе благочиния или полицейском» 1782 г. Однако вплоть до второй половины XIX в. структура полицейских органов сибирских городов не была четкой и единообразной. В большинстве уездных городов Сибири в конце XVIII в. действовали управы благочиния во главе с городничими. Это были так же, как и нижние земские суды, коллегиальные органы административно-полицейского управления. Городничие подчинялись губернским правлениям. В Томске, Омске и Тюмени вместо городничих долгое время были коменданты, что объяснялось наличием воинских команд в данных городах. Штатное расписание главного административного центра Сибири в последней четверти XVIII в. — Тобольска — предусматривало должности не зависящих друг от друга и вы-

полняющих полицейские полномочия обер-коменданта, плац-майора и городничего¹³. Такая организация городских полицейских органов объяснялась большим количеством военных в сибирских городах.

80-е гг. XVIII в. ознаменовались новыми качественными дополнениями законодательного и организационного характера к уже начавшим действовать в городах Сибири полицейским управам. Эти дополнения особенно проявились в дальнейшем организационно-правовом становлении полицейской системы, осуществлявшемся на основе Устава благочиния или полицейского 1782 г. Устав определял сферу прав и обязанностей полиции, ее место в системе органов государственного управления, порядок и характер правовых отношений с ними, включая и систему местных органов.

Управа благочиния состояла из полицмейстера (в губернском городе), обер-коменданта (при наличии военного гарнизона) или городничего (в уездном городе), двух приставов — уголовных и гражданских дел. В состав управы входили двое ратманов (заседателей), которые избирались горожанами на три года и не включались в число сотрудников полиции, и стряпчий, представлявший прокуратуру, а также выборные члены от местного купечества и мещанства.

Согласно ст. 5–7 Устава благочиния города делились на административно-полицейские части (200–700 дворов) по главе с частными приставами¹⁴. Частные приставы, согласно ст. 24 Устава определялись губернским правлением по аттестации городничего (полицейстера). Закон устанавливал, что все назначения на должности сотрудников полиции производились коллегиальными органами по представлению должностных лиц, которым соискатели будут непосредственно подчиняться. В свою очередь, согласно ст. 9–12 части подразделялись на кварталы (50–100 дворов) во главе с квартальным надзирателем, который обязан знать род занятий и источники доходов каждого жителя своего квартала¹⁵. Квартальные надзиратели определялись управой благочиния по аттестатам частных приставов и горожан (ст. 26), они рассматривались как исполнители приказов частного пристава и городничего. Однако в XVIII в. большинство сибирских уездных го-

¹⁰ Российское законодательство... С. 307.

¹¹ СЗРИ. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1832. Ст. 688–689, 697.

¹² Российское законодательство... С. 71.

¹³ Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука, 1984. С. 66.

¹⁴ Российское законодательство... С. 326.

¹⁵ Там же. С. 326–327.

родов из-за небольшого количества жителей не делилось на части, деление производилось непосредственно на кварталы. Полицейская служба в управе благочиния не имела нормированного характера: «...она всякое время собирается в городе, когда сведает, что непорядок учинился»¹⁶.

Несмотря на появление органов регулярной городской полиции, некоторые функции по охране общественного порядка, прежде всего патрульно-постовая служба, продолжали осуществляться городскими жителями в виде отбывания полицейской повинности. Не имея средств и возможностей сделать низшее звено полицейского аппарата профессиональным, коронная администрация привлекала к выполнению полицейских полномочий в Сибири самих обывателей и городских казаков.

В Сибири наряду с трудностями организации администрирования, в целом присутствующими империи, такими как обширность территорий, нехватка подготовленных, квалифицированных кадров администраторов, сложность в осуществлении контроля, существовали специфические проблемы, которые были связаны с местной сибирской спецификой. К таким проблемам относилась большая самостоятельность местной власти, чем в центре империи. С другой стороны, государственная собственность на землю, отсутствие дворянства и дворянского самоуправления освобождали полицейских чиновников от контроля со стороны их корпоративной организации. Другой особенностью региона, сильно повлиявшей на степень развития коррупции, стали его пограничное положение и роль места каторги и ссылки. Создание административно-полицейского персонала со-

провождалось бюрократизацией управленческих процессов, усилением роли канцелярий, превращением делопроизводства в значимый элемент управления и правоохранительной деятельности.

Традиции и специфика государственно-го управления в Российской империи и Сибири обусловили в XVIII в. формирование разветвленной системы полицейских органов, деятельность которых, помимо охраны правопорядка, стала одной из разновидностей местного управления, военизированного и почти полностью лишённого самоуправленческих начал. Такое положение органов полиции в системе государственного строя империи и ее окраин было обусловлено содержанием их полицейской деятельности, которая являлась наиболее универсальной и всеобъемлющей формой государственного контроля и принуждения. Абсолютизм, опиравшийся на военно-полицейские методы управления, выдвинул полицию на первое место в системе местных государственно-властных органов в Сибири.

Литература

1. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1984. Т. 5 / под ред. О.И. Чистякова.
2. Андриевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. 156 с.
3. Анучин Е.Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872. 238 с.
4. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год / сост. А.И. Дмитриев-Мамонов, К.М. Голодников. Тобольск, 1884. 61 с.
5. Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука, 1984. 197 с.

¹⁶ Там же. С. 332.

Онтология майорских следственных канцелярий

*Волчанская Алена Николаевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
alyena.87@mail.ru*

В связи с реформой следственных органов, начавшейся в 2011 г. и продолжающейся сегодня, вновь возник вопрос об истории данного института. Анализ первых «майорских» следственных канцелярий, которому посвящена статья, поможет верифицировать теоретико-исторические утверждения о существовании первых следственных органов в начале XVIII в.

Ключевые слова: следственный орган, «майорские» канцелярии, Петр I, майор лейб-гвардии Волконский, хищение казны, розыск.

Ontology of Major Investigative Offices

*Volchanskaya Alena N.,
Assistant Professor of the Department of State Law Disciplines
of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences*

On grounds of investigative authorities' reform that has begun in 2011 and continuing today, a question about the history of this institute arose again. The analysis of first "major's" investigative offices that the article is dedicated to, will help to verify theoretical and historical assertions about existence of first investigative authorities in the beginning of XVIII century.

Key words: investigative authority, "major's" offices, Peter I, Life-Guard Major Volkonsky, treasury theft, detection.

Сегодня устоялось мнение, что 25 июля 1713 г. именным указом Петра I была создана первая в истории русского государства «майорская» следственная канцелярия, являющаяся одновременно первым российским следственным органом. В связи с этим согласно Постановлению Правительства РФ от 27 августа 2013 г. № 741 был учрежден профессиональный праздник — День сотрудника органов следствия Российской Федерации¹.

Вместе с тем при более глубоком изучении правовой природы «майорских» следственных канцелярий возникает ряд вопросов. Во-первых, является ли канцелярия Волконского «майорской канцелярией» и какие именно канцелярии следует отнести к «майорским»? Во-вторых, можно ли считать данную канцелярию следственной?

На сегодняшний день не сложилось общего мнения, какие именно канцелярии следует отнести к «майорским». Так, В.И. Веретенников выявил данные о существовании 14 канцелярий, созданных в первой четверти XVIII в. Автор делит все учреждения, сложив-

шиеся при офицерах Семеновского и Преображенского полков, которым Петр I доверял «розыски» по различным **государственным преступлениям**, на **Канцелярию тайных розыскных дел** (Канцелярия «ведения» П.А. Толстого, А.И. Ушакова), которая занималась делами об умысле против государя, «измене и бунте» — от «вин» царевича Алексея Петровича до «до непристойных высокой чести е.и.в.», слов какого-нибудь пьяного солдата, и **«майорские» канцелярии**, которые занимались делами «похищения казны»².

С данным мнением соглашается Е.В. Анисимов. Однако автор пришел к выводу, что всего насчитывалось 12 «майорских» канцелярий. Видимо, он основывал свои подсчеты на указах от 9 и 23 декабря 1717 г., 9 мая 1723 г. — 22 января 1724 г., посвященных проведению «розысков» силами гвардейцев, о «хищении казны»³.

Сегодня сведения о деятельности «майорских» канцелярий позволяют сделать выводы,

¹ Постановление Правительства РФ от 27 августа 2013 г. № 741 «О Дне сотрудника органов следствия Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

² Веретенников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910. С. 187.

³ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, 1997. С. 70–72.

что их полномочия не у всех и не всегда сводились лишь к «розыску» о хищении и взятках. Например, канцелярия лейб-гвардии майора М.А. Матюшкина была образована по фактам укрывательства от смотра весной 1714 г. «слуг и служебников» Чудова монастыря и «сокрытия» беглых солдат московским комендантом И.Г. Поливановым. Канцелярию же лейб-гвардии майора А.И.Ушакова и канцелярию лейб-гвардии капитана П.А. Толстого многие ученые также относят к «майорским»⁴.

Канцелярия лейб-гвардии майора А.И. Ушакова (6 мая 1714 г. — 6 мая 1726 г.) находилась в Москве и проводила контроль за рекрутскими наборами, дворянской и купеческой службой в разных губерниях, ревизию подворной переписи 1710 г. в Московской и Нижегородской губерниях (в 1714–1718 гг.), вела следствие о финансовых нарушениях, допущенных персоналом Ратуши, Артиллерийского, Военного, Монастырского, Поместного приказов (в 1714–1715 гг.) и других государственных органов⁵.

Канцелярия лейб-гвардии капитана П.А. Толстого (февраль 1718 г. — 28 мая 1726 г.) располагалась первоначально в Москве, а с конца марта 1718 г. в Санкт-Петербурге. Была создана для проведения «розыска» о царевиче Алексее и его сторонников. С марта 1718 г. преимущественно занималась делами по «первым двум пунктам» «слова и дела» (умысел на здоровье и честь государя, измена и бунт)⁶.

М.В. Бабич пришла к выводу о том, что с 1699 по 1729 гг. «майорских» канцелярий действовало свыше 40⁷. Следует согласиться с мнением автора, что деятельность «майорских канцелярий» не всегда и не у всех сводилась к «розыскам» о хищениях и взятках. Однако, как считает М.В. Бабич, «майорские канцелярии» занимались «розыском» по всем «государственным преступлениям». Под «государственными преступлениями» того времени ученый понимает все деяние, которые нарушают указы императора.

Проведя тщательный анализ, следует отметить, что согласно именному указу от 25 января 1715 г. Петр I выделил некоторые составы преступлений, которые непосредственно находились под контролем у императора, возбуждались только по инициативе

императора: посягательство на жизнь самодержца, измена и бунт, казнокрадство. Данные преступления следует отнести к категории особо тяжких согласно законодательству того времени, и именно для расследования этих составов преступления Петр I в чрезвычайном порядке каждый раз создавал «майорские» следственные канцелярии.

Концепция М.В. Бабич о «майорских канцеляриях» подверглась определенной критике со стороны М.О. Акишина. В частности, он возражал, во-первых, против отнесения к «майорским канцеляриям» четырех комиссий, созданных центральными приказами с 1699 по 1729 гг. (например, «большого сыска» думного дьяка Д.Л. Полянского). Во-вторых, трудно согласится с отношением к «майорским» канцеляриям комиссий, которые не занимались их основной функцией — «розыском» государственных преступлений, закрепленных в первых трех пунктах указа от 25 января 1715 г. («канцелярия разбойных дел» стольника С.А. Колычева, Канцелярия межевых дел в Ингермаландии и др.). В-третьих, в список «майорских» канцелярий попали шесть подобных им комиссий, созданных уже после смерти Петра I (Комиссия генерал-лейтенанта С.А. Сытыкова и т. д.)⁸.

По мнению М.О. Акишина, существуют следующие критерии выделения «майорских» канцелярий: 1) создавались в 1710 — начале 1720-х гг. на основе именного указа, т. е. имели характер поручения Петра I доверенным лицам; 2) отношения с другими государственными органами и должностными лицами устанавливали на основе сенатского объявления о послушании их распоряжениям по определенному кругу дел; 3) структура канцелярий включала лейб-гвардии офицера, при котором иногда складывалось присутствие из офицеров и «царедворцев», канцелярия из дьяков и подьячих и приданного вспомогательного персонала; 4) имели первоначально достаточно четкое установление предмета своей деятельности, сформулированного в «реестре» подлежащих рассмотрению дел; 5) занимались преимущественно «розысками» о «публичных» преступлениях⁹.

Исходя из этих критериев, к числу «майорских» М.О. Акишин отнес 27 чрезвычайных следственных органов.

⁴ См.: Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 239–350.

⁵ См.: Веретеников В.И. Указ. соч. С. 45–187.

⁶ Там же. С. 76–297.

⁷ См.: Бабич М.В. Указ. соч. С. 71–109.

⁸ См.: Акишин М.О. Судебная реформа Петра I: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 141–170.

⁹ Там же. С. 144.

Первоначально канцелярии именовались просто по фамилиям своих начальников, ни в законодательстве, ни в литературе не употреблялось название «майорские». Как указывает М.В. Бабич, только с октября 1721 г. в связи с тем, что многие из них возглавлялись лейб-гвардии майорами, канцелярии стали именоваться «майорскими»¹⁰.

Канцелярия М.И. Волконского была образована именным указом от 25 июля 1713 г. Действовала она в Архангельске, Вологде и Великом Устюге. Закрыта вследствие именного указа от 27 января 1716 г. о передаче дел в Розыскную канцелярию лейб-гвардии капитана Г.И. Кошелева. Князь М.И. Волконский препятствовал такой передаче по крайней мере до мая 1716 г., но «розыска» тогда, по видимому, уже не вел.

Предварительное расследование осуществлял лично майор Волконский, который располагал дьяком Микляевым и девятью подьячими, взятыми из Приказа Большого дворца и Московской губернской канцелярии. В его распоряжении были также четыре унтер-офицера и 27 гвардейских солдат «для караулов и посылок», персональный состав которых не выяснялся.

Канцелярия была образована для проведения предварительного следствия по доносу архангельского вице-губернатора Курбатова на обер-комиссара Д.А. Соловьева, после того как Сенат 22 мая 1713 г. отстранил А.А. Курбатова. Одновременно Волконский должен был разбирать обвинение С.М. Акишева в разорениях и убийствах местных жителей, по доносу Брынкина на ландрихтера Архангельской губернии И.Ф. Нахалова и капитана Я. Селиверстова об отпуске ими за взятки «в дома» собранных рекрут и присвоение их жалования и провианта¹¹.

Как закончились дела Акишева, Нахалова, Селиверстова, не установлено, но известно, что в ходе следствия по так называемому соловьевскому делу во многих злоупотреблениях был обвинен и А.А. Курбатов (3 мая смещен с должности).

Таким образом, первой «майорской» канцелярией, соответствующей всем критериям, следует считать именно канцелярию лейб-гвардии майора М.И. Волконского.

Другим дискуссионным аспектом данной темы остается вопрос: можно ли считать

«майорскую» канцелярию М.И. Волконского следственной?

Внимательно изучая указ майору от гвардии Волконскому, нельзя не обратить внимание, что Петр I повелевал Волконскому осуществить «розыск», «и когда розыскано будет, тогда то розыскное дело и тех, которые тому делу будут виноваты, взять с собой и привезти к нам в Санкт-Петербург». В Наказе «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 г. также ни слова не сказано о следствии. Более того, изучая научную литературу, обнаруживаем, что первые «майорские» канцелярии чаще всего именуется именно розыскными¹².

В хрестоматии «История органов следствия» Д.О. Серов предлагает понимать «розыск», о котором идет речь в именном указе от 25 июля 1713 г., как «осуществление следственных действий»¹³. Однако в статье «Следствие в московском государстве XV–XVII вв.» Д.О. Серов и А.В. Федоров поясняют, что «термином "розыскной процесс" в отечественной уголовно-процессуальной науке применительно к рассматриваемому периоду, до 20-х годов XVIII века, в России именовали совокупность процедур уголовного судопроизводства, в отличие от процедур судопроизводства гражданского, которое обозначалось термином „суд“»¹⁴.

С данным мнением согласны другие современные правоведы, занимающиеся проблемами истории государства и права (например, профессор О.И. Чистяков), считая, что обострение классовой борьбы обусловило появление такой формы процесса, как розыск, под которым следует понимать следственный или инквизиционный процесс.

Розыск применялся при рассмотрении наиболее серьезных уголовных дел, в том числе и по политическим преступлениям. Розыск отличался от состязательного процесса тем, что суд сам возбуждал, вел и завершал дело по собственной инициативе и исключительно по своему усмотрению. Уже Соборное Уложение 1649 г. уделяет «розыску» достаточное место, хотя предпочтение отдается «суду».

Таким образом, в широком смысле «розыск» согласно законодательству XV–XVII вв. можно понимать как весь процесс

¹⁰ Бабич М.В. Майорские канцелярии // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.): словарь-справочник. М., 2001. Кн. 3. С. 26.

¹¹ См.: Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века... С. 239–350.

¹² История органов следствия России: хрестоматия / сост. А.К. Аверченко, Д.О. Серов, А.А. Монахов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 21–23.

¹³ Там же.

¹⁴ Серов Д.О. Федоров А.В. Следствие в Московском государстве XV–XVII вв. // Российский следователь. 2015. № 2. С. 52–56.

уголовного судопроизводства, включающий в себя досудебную стадию, а именно оперативно-разыскную, следственно-процессуальную деятельность в современном понимании, а также судебное разбирательство. Расследованием преступлений занимался круг должностных лиц, состоявших в штатах административно-судебных органов разного уровня.

Однако Петр I в именном указе от 15 июля 1717 г. впервые нормативно закрепил выделение досудебной стадии уголовного судопроизводства. Император поручает М.И. Волконскому «как разыскано будет, тогда то розыскное дело и тех, которые тому делу будут виноваты, взять с собой и привезти к нам в Санкт-Петербурх», а также в наказе «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 г.: «...а самому без доклада никаких дел не кончать и экзекуцией не чинить». С этого момента дефиниция «розыск» приобретает иное значение, более узкое.

В узком смысле «розыск» являлся досудебной стадией по уголовным делам, аккумулирующей оперативно-разыскную и следственно-процессуальную деятельность.

Очевидно, что под «розыском» в именных указах, обращенных к гвардейским офицерам, законодатель предусматривал процесс «предварительного следствия» в современном понимании. Во-первых, данные категории дел: посягательство на жизнь самодержца, измена, бунт, казнокрадство, согласно указу от 25 января 1715 г. относились к категории «публичных» наиболее тяжких дел. Во-вторых, важность данных категорий дел подтверждают слова М.М. Богословского: «К гвардии преобразователь питал необыкновенную любовь и доверие, и во вторую половину царствования состав гвардейских полков исполнял не менее административные, чем военные назначения. Не следует забывать социального значения этих полков в то время: они наполнялись молодежью из

лучших дворянских фамилий, служивших в них не только офицерами, но и рядовыми»¹⁵. В-третьих, царь предоставлял все возможности собирать доказательства, о чем прямо указывал в официальных документах, в том числе и пытки. В-четвертых, впервые в наказе от 9 декабря 1717 г. было предусмотрено составление такого процессуального документа, как «приговор», который сегодня именуется обвинительным заключением.

Однако о выделении предварительного следствия как самостоятельного особого вида предварительного расследования в указанный период говорить еще рано.

Таким образом, в 1713 г. согласно указу Петра I был впервые в истории отечественного государства создан самостоятельный следственный орган с исключительной компетенцией досудебного (предварительного) следствия. По своей правовой природе данный орган — канцелярия — имел чрезвычайный характер и сохранял признаки приказной системы.

Литература

1. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, 1997. 331 с.
2. Веретенников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.
3. Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
4. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция. 1719–1727 гг. М., 1902.
5. История органов следствия России: хрестоматия / сост. А.К. Аверченко, Д.О. Серов, А.А. Монахов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
6. Серов Д.О. Федоров А.В. Следствие в Московском государстве XV–XVII вв. // Российский следователь. 2015. № 2.

¹⁵ Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция. 1719–1727 гг. М., 1902. С. 521.

Воинские наказания в отечественных теориях о праве и государстве в период сословно-представительной монархии (XVII в.)

*Егошин Олег Ананьевич,
доцент кафедры правового обеспечения
государственного и муниципального управления
Марийского государственного университета
кандидат юридических наук
oae03.egoshin@yandex.ru*

В статье рассматриваются взгляды и мнения на вопросы наказания отечественных мыслителей в период расцвета теорий «православного христианского самодержавия» и «просвещенной абсолютной монархии». Исследуется их влияние на воинские наказания. Высказывается мнение, что правительство нередко игнорировало своевременные идеи русских мыслителей по этому вопросу.

Ключевые слова: русские мыслители, теории о праве и государстве, взгляды, воинские наказания.

Military Punishments in Domestic Theories on Law and State in the Period of Monarchy of Representatives of Nobility (XVII Century)

*Egoshin Oleg A.,
Assistant Professor of the Department of Legal Support
of State and Municipal Administration,
of the Mari State University, Candidate of Legal Sciences*

The article discusses the views and opinions on issues of domestic punishment thinkers in the heyday of the theories of "Orthodox Christian autocracy" and "enlightened absolute monarchy", explores their impact on military punishment. It has been suggested that the government often ignored timely ideas of thinkers on this issue.

Key words: Russian thinkers, theory of law and state, convictions, military punishment.

Рубеж XVI–XVII вв., получивший название «Смутное время», был тяжелым для России. После засилья иностранцев в государстве продолжился процесс усиления царской власти, а в политико-правовой жизни общества доминирующая роль стала переходить к служилому дворянству. С точки зрения правовой идеологии в государстве значительно усилились идеи национального патриотизма. В свою очередь, на политику наказаний существенное влияние оказали философско-правовые взгляды таких мыслителей, как *И. Тимофеев, С. Полоцкий, Ю. Крижанич, А. Ордин-Нащокин*, и ряда других. Философы поддерживали и развивали указанную идеологию и теории «православного христианского самодержавия» и «просвещенной абсолютной монархии».

Новым этапом в развитии института военно-уголовных наказаний в этот период в Русском государстве стали Сводный Судебник 1606–1607 гг. и Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки 1607 г. (доп. в 1621 г.), который использовал-

ся в качестве официального руководства для русской армии в течение всего века. В юридической литературе отмечается, что этот устав составлен на основе иностранных военных книг и предыдущего опыта русского войска. Действительно, мы видим, что уже в этом уставе, а не при Петре I проявляются попытки отечественного законодателя ввести для армии структуру военно-уголовного законодательства и виды наказаний, заимствованных из немецко-австрийских военно-уголовных кодексов¹.

Вместе с тем нельзя не заметить, что предусматривающиеся в этих нормативных актах наказания в отношении военнослужащих были близки взглядам на наказание русских мыслителей первой половины XVII в.

Наиболее полное свое выражение они получили в правовых идеях философа, дьяка *Ивана Тимофеева (ок. 1555–1631 гг.)*. Злона-

¹ См.: Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V (1533 г.) / пер., предисл. и примеч. С.Я. Булатова. Алма-Ата: Наука, 1967. 152 с.

меренность власти он усматривал в покушении на физическую, правовую и имущественную безопасность личности, а также в формах внесудебной расправы с подданными. В то же время автор не согласен с точкой зрения профессора Н.М. Золотухиной о том, что И. Тимофеев осуждал соотечественников, которые переносили злодейства и беззакония властей, а также высказывался о праве народа на оказание сопротивления подобной власти².

По нашему мнению, И. Тимофеев являлся сторонником сильной самодержавной власти. В «идеале» государственного правления он видел во главе государства царя — наместника бога на земле. Монарха, указывал И. Тимофеев, в страхе и молчании должна почитать вся «тварь». При «истинных царях», которыми, по его мнению, являлись Иван III, Василий III и Иван IV, подданные были безответны, как безгласные рабы, со всяческим усердием кротко носили иго рабства, повинувшись им с таким страхом, что из-за страха оказывали им честь, едва не равную с богом³.

В представлении философа народная масса — это толпа, которая, как овцы пастуху, молча и беспрекословно должна повиноваться поставленным верховной властью начальникам. Неповинующих власти он называет безумными. Если безумная «чадь» не захочет повиноваться властям, она станет подобна овцам, у которых пастырь «не имеет в страх поставлена им жезла»⁴.

В свою очередь, подобные воззрения нашли свое применение в Сводном Судебнике, который содержал грань девятую, состоявшую из одной ст. 61 «О государском убийце, и о градском здавце, и коромолнике, и церковном, и головном тате, и о подметчике, и о зажигалчике». В статье указывались наиболее тяжкие правонарушения, и, как видим, законодатель относил к ним и преступления, совершенные военачальниками, так как измены воевод и других командиров стали в тот период не редким явлением. Для других категорий военнослужащих наказания предусматривались в Уставе ратных, пушкарских и других дел, а также в Уставе об установлении сторожевой и станичной службы от 1623 г. в виде смертной казни и наказания кнутом. И. Тимофеев был убежден, что подданных не-

обходимо держать в страхе и повиновении, в противном случае в стране разольется «огнь прелести самовластия» и с подчиненными будет нелегко сладить.

В течение всей первой половины века правительство принимало меры к повышению боеспособности поместного ополчения, в том числе с помощью рассмотренных наказаний, однако оно все более отставало от современных требований.

Суть реформ второй половины XVII в. хорошо сформулировал русский дореволюционный ученый А.А. Кизеветтер. «Реформы, — писал он, — вызывались не столько сознанием каких-либо новых задач государственной политики, сколько исканием новых средств для лучшего разрешения старой вековой задачи: извлечения из народной массы наибольшего количества боевых и платежных сил, в целях военной обороны»⁵. В целях укрепления военной обороны увеличилось и количество наказаний за нарушение ратной службы и в принятом Уставе «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1647 г. и Соборном Уложении 1649 года.

Несомненно, указанные тенденции получили свое отражение и в политико-правовых концепциях отечественных мыслителей второй половины XVII века.

Так, во второй половине XVII в. с обоснованием правомерности просвещенной абсолютной монархии выступил монах *Симеон Полоцкий* (1629–1680 гг.). Философ полагал, что просвещенная монархия должна быть государством, деятельность которого основывается только на законах. «Под законом все казни (наказания. — *О. Е.*) должны страдать», и исключений из этого правила нет ни для кого. Все люди в гражданстве обязаны бояться закона, подчинение которому укрепляет государство и чинными и славными делает царства⁶. В то же время в Соборном Уложении 1649 г. было выделено три главы, непосредственно посвященные военному праву и институту военно-уголовных наказаний. Количество наказаний по Уложению увеличивается, они становятся разнообразнее, чем прежде.

Симеон яростно выражает нетерпимость к инакомыслящему человеку. «Обезглавить сего Голиафа, тоже уды его и вся телеса полчища его птицам и зверям отдати»⁷. По доносу,

² История политических и правовых учений: учеб. для вузов. 2-е изд.; под общ. ред. проф. В.С. Нерсисянца. М.: НОРМА, 1998. С. 229–231.

³ Временник Ивана Тимофеева / пер. и коммент. О.А. Державиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М. — Л.: АН СССР, 1951. С. 368–369.

⁴ Там же. С. 372.

⁵ Цит. по: Отечественная история. IX–XX вв.: учеб. пособие. СПб.: СЗТУ, 2004. С. 55.

⁶ История политических и правовых учений... С. 326.

⁷ Цит. по: Волков В. Царский учитель из Полоцка // Союзное государство. 2007. № 12. С. 89.

пишет С. Полоцкий, виновный должен подвергаться сожжению без всякого милосердия. Несогласные с царем и православной церковью, указывал он, должны состоять под надзором и записываться в особые книги. В случае доноса на них их необходимо ссылать на Терек или в Сибирь. Наконец, все иностранцы иных вер, приезжавшие в Россию, должны были, по его мнению, проходить специальную проверку и в случае признания их негодными, высылались бы обратно за границу⁸.

Отражение этих идей Симеона мы находим, в частности, в Соборном Уложении, где смертная казнь предусматривается в 55 статьях, в том числе в шести случаях за воинские преступления. Указывалось несколько способов исполнения смертной казни, в том числе и путем сожжения. В Уложении также содержались наказания в виде исключения и понижения по службе, написание в разрядных книгах порочным и, наконец, денежные наказания — отобрание поместий и вотчин, конфискация имущества, убавка жалованья и денежное взыскание. Содержатся в Уложении и наказания в виде заключения в тюрьму, в том числе в отношении военнослужащих, и ссылка. Причем это было первое упоминание в отечественном законодательстве о применении тюрьмы в отношении военнослужащих. Отметим, что идеи С. Полоцкого широко были распространены в России и в следующем веке.

Противоречиво выглядят взгляды на наказание философа, социолога и государственоведа *Юрия Крижанича* (1618–1683 гг.). Принцип «общего блага» Крижанич видит в том, что государь призван действовать в интересах подданных. «Королю» вменяется в обязанность не совершать насилия над подданными. «Король» должен поддерживать порядок внутри страны с помощью законов и наказаний.

Русские законы Ю. Крижанич считал чрезвычайно жестокими⁹. Мыслитель уделял много внимания вопросу о гарантиях против установления «людодерских» законов. Никакие запрещения, никакие казни, подчеркивал Крижанич, не в силах удерживать чиновников от худых дел, а думных людей — от алчных разорительных для народа советов, если не будет свободы.

Но тот же Ю. Крижанич, так сильно выступающий против тирании и произвола начальников, за ряд преступлений требует немилосердного наказания. Он негодует на русских, зачем они позволяют жить среди себя еретикам (тем, кто действует против общественного блага. — *О.Е.*), зачем строго не преследуют волшебников, лиц, виновных в блудодеяниях и содомском грехе. Он указывает на сожжение такого рода преступников на Западе как пример, достойный подражания. В условиях военного времени, полагал он, монарх также может принимать жестокие меры¹⁰.

К прерогативам царя мыслитель относил право иметь власть войны и мира, осуществлять высшую судебную власть: выносить смертный приговор и конфисковать имущество¹¹. На практике эти взгляды переключаются с уже указанными в законодательстве случаями смертной казни, а также с появлением с 1659 г. смертной казни за неявку или побег со службы или смотра, укрывательство дезертиров¹². В Соборном Уложении мы видим наказания и в виде отобрания поместий и вотчин, конфискации имущества, «убавку» или лишение жалованья за побег с военной службы, а также денежного взыскания в виде пени.

В то же время в Соборном Уложении наблюдается устойчивый рост телесных наказаний. Содержалось упоминание о возможности применения рукоприкладства должностными лицами караула и в Уставе «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1647 г.

К концу XVII в. по отношению к ратным людям значительно возросло и применение наказания в виде ссылки. В Соборном Уложении это наказание упоминалось одиннадцать раз, применялась оно и в более мягком виде — в высылке в «украинные» города и Сибирь. Для ратных людей ссылка предусматривалась за уклонение от службы путем побега или неявки на службу, а для полковых воевод за различные нарушения своих служебных обязанностей¹³. Ссылались они «на службу, в какую пригодятся».

Ю. Крижанич осуждал, что ссылка по старому обычаю осуществляется без всякого су-

⁸ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 6-е изд. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1912. Кн. 2: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. XVII столетие. С. 346–347.

⁹ Крижанич Ю. Разговоры о владетельстве // Русское государство в половине XVII века: рукопись времен царя Алексея Михайловича. 1663. М.: Тип. А. Семена, 1859. Ч. 1. С. 270.

¹⁰ РГАДА. Ф. 381. № 1799. Л. 695.

¹¹ Крижанич Ю. Указ. соч. С. 307, 319, 321.

¹² О наказании дворян и всяких чинов служивых людей за самовольную отлучку из полков: Указ от 26 июля 1659 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825 гг.): в 45 т. СПб., 1830. Т. 1. № 253. С. 487–488.

¹³ См. Грамота воеводе Чердынскому // Акты Исторические, Т. V. СПб., 1842. С. 56.

да и ясного осуждения. Ни в чем, — указывал мыслитель, — не высказываются так свойственные тиранам изобретательность, коварство, неправда и жестокость, как тогда, когда они ссылают людей¹⁴.

Ю. Крижанич не исключает возможности ведения справедливых войн в целях защиты независимости страны. При этом он приходит к выводу, что войны будут хороши, если они обеспечены всем необходимым, храбры, обучены и если держат их в страхе.

С одной из подобных точек зрения выступил в середине XVII в. и видный государственный деятель, воевода *Афанасий Ордин-Нащокин* (1605–1680 гг.).

Мыслитель восставал против излишней регламентации, господствовавшей в московском управлении и войске. Но, требуя самостоятельности для исполнителей, он возлагает на них и большую ответственность. Такую деятельность, основанную на личной сообразительности, он называет «промыслом». «Грубая сила, — указывал мыслитель, — мало значит»¹⁵. Взамен нее он предлагал предоставить командирам большую самостоятельность, а от них требовал проявления личной ответственности и сообразительности.

Воевода на личном опыте убедился, что для повышения дисциплины и боеготовности армии необходимо проводить коренные реформы. Ему принадлежит и первая мысль об учреждении флота в России, тем самым он предвосхитил идеи и планы Петра I¹⁶.

Беспокоился А. Нащокин и о правовой защите мирного населения во время войны. В разрешении этих проблем его идеи близки мыслям, высказанным Г. Гроцием в труде «О праве войны и мира». Будучи воеводой, во вверенном ему крае (Кокенгаузен и части Лифляндии) в случае обнаружения грабежей принимал строжайшие меры для наказания виновных, не позволяя притеснять местных жителей, и добивался тем самым того, что напуганное войной мирное население стало возвращаться обратно, в свои дома. Царь отмечал, что он до ратных людей ласков, а ворам не спускает¹⁷. О случаях мародерства в военном походе предупреждал и Устав «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», в нем предписывалось, чтобы солдаты на сторо-

ну на «шарпанье» не ходили, отставая от своей части под разными предлогами.

Таким образом, установленные наказания в нормативных актах первой половины столетия в отношении военнослужащих были созвучны взглядам на наказание русских мыслителей первой половины XVII в. (И. Тимофеев).

Противоречивы взгляды на наказание мыслителей середины и второй половины века (С. Полоцкий, Ю. Крижанич, А. Ордин-Нащокин), которые доказывали неограниченность самодержавия в применении наказаний, и вместе с тем ограничивая это право естественными законами. Одни предложения мыслителей содержали гуманные рекомендации об отношении к ратным людям, другие указывали на возможность разрешения проблем с преступностью с помощью методов устрашения и подавления личности. Это нашло свое отражение в многочисленных царских указах, «боярских приговорах», получивших название «новоуказных статей». Всего до 1696 г. было издано около полутора тысячи актов, дополнявших и исправлявших Соборное Уложение¹⁸, которые не только дополняли и изменяли его, но и зачастую противоречили друг другу.

Законодатель и правоприменитель, безусловно, обращались к воззрениям отечественных мыслителей, в том числе и в вопросе о более «бережном» отношении к ратным людям. Так, по свидетельству современников, изувечивающие наказания, как и смертная казнь, за воинские преступления в Московском государстве находили редкое применение, в том числе и во время военных походов¹⁹. Однако полагаем, что в указанном случае их интерес носил больше прагматический характер. Более «гуманное» отношение к военнослужащим в государстве было вызвано в первую очередь тем, что они нужны были на поле боя. Казни военнослужащих, телесные повреждения или заточение их в тюрьму нанесло бы большой ущерб боеспособности вооруженных сил государства.

Вместе с тем многое из того, что предлагали мыслители, осталось просто на бумаге или получило надлежащую оценку только в последующие эпохи, хотя ряд их начинаний и проектов были необходимы для русской армии уже в этот рассмотренный период.

¹⁸ Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 15.

¹⁹ Котошихин Г.П. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859. Стб. 34; Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. / пер. А.И. Станкевича // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1905. Кн. 3. Отд. 2. С. 1–10.

¹⁴ Крижанич Юрий. Указ. соч. С. 371

¹⁵ Ключевский В.О. А.Л. Ордин-Нащокин. Лекция VII // Сочинения: в 9 т. М., 1988. Т. 3: Курс русской истории. Ч. 3. С. 314–330.

¹⁶ Там же. С. 329.

¹⁷ Там же. С. 330.

Литература

1. Волков В. Царский учитель из Полоцка // Союзное государство. 2007. № 12. С. 89.
2. Временник Ивана Тимофеева / пер. и коммент. О.А. Державиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М. — Л.: АН СССР, 1951. С. 368–369, 372.
3. Грамота воеводе Чердынскому // Акты Исторические. СПб., 1842. Т. V. С. 56.
4. История политических и правовых учений: учеб. для вузов. 2-е изд. / под общ. ред. проф. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА, 1998. С. 229–231, 326.
5. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V (1533 г.) / пер., предисл. и примеч. С.Я. Булатова. Алма-Ата: Наука, 1967. 152 с.
6. Ключевский В. О. А. Л. Ордин-Нащокин. Лекция VII // Сочинения: в 9 т. М., 1988. Т. 3: Курс русской истории. Ч. 3. С. 314–330.
7. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 6-е изд. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1912. Кн. 2: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. XVII столетие. С. 346–347.
8. Котошихин Г.П. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб., 1859. Стб. 34.
9. Крижанич Ю. Разговоры о владетельстве // Русское государство в половине XVII века: рукопись времен царя Алексея Михайловича. 1663. М.: Тип. А. Семена, 1859. Ч. 1. С. 270, 307, 319, 321, 371.
10. Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 15.
11. Отечественная история. IX–XX вв.: учеб. пособие. СПб.: СЗТУ, 2004. С. 55.
12. О наказании дворян и всяких чинов служивых людей за самовольную отлучку из полков: Указ от 26 июля 1659 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825 гг.): в 45 т. СПб., 1830. Т. 1. № 253. С. 487–488.
13. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. / пер. А.И. Станкевича // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1905. Кн. 3. Отд. 2. С. 1–10.
14. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 381. № 1799. Л. 695.

Армия в политике белых сил на Востоке России в годы Гражданской войны: к вопросу об источниковой базе

*Бучко Николай Петрович,
доцент Дальневосточного государственного гуманитарного университета,
кандидат исторических наук, доцент
buchko65@mail.ru*

Источниковая база рассмотрения проблем участия армии в политике белых сил на Востоке России в исследовании истории Гражданской войны сегодня представляется достаточно актуальной. Наибольший интерес представляют документы и материалы, хранящиеся в архивных фондах, опубликованные сборники, воспоминания участников рассматриваемых событий.

Ключевые слова: армия, Белое движение, источниковая база, воспоминания.

Army in the White Forces Policy in the East of Russia in the Civil War Years: Revisiting Sources Base

*Buchko Nikolay P.,
Assistant Professor of the Far Eastern State University of Humanities,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

Research of problems of participation of army in the politician of white forces in the east of Russia in research of history of Civil war is represented today enough actual. The greatest interest is represented by documents and the materials stored in archival funds, the published collections, memoirs of participants of Antiboldshevist movement.

Key words: Army, White movement, the scientific publication, political activity, memoirs.

За последнее время историки сделали значительный шаг вперед, политические дискуссии прошлого сегодня представляются более глубокими, исторический путь развития страны оказывается более сложным [5, с. 5]. В этой связи рассмотрение исторических событий без изучения источниковой базы представляется весьма сомнительным.

Источниковая база рассмотрения проблем участия армии в политике белых сил включает несколько групп источников. Наибольший интерес из них представляют документы и материалы, хранящиеся в архивных фондах, опубликованные сборники документов и материалов по истории Гражданской войны, воспоминания участников рассматриваемых событий.

В анализе проблемы существенное значение имеют опубликованные сборники документов, посвященные общей истории Гражданской войны. Первые из них увидели свет еще в начале 20-х гг. XX в. В них был представлен серьезный фактический материал о белых армиях.

В 1925 г. Центрархив впервые издал протоколы Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. Только в 1990 г. эти материалы были переизданы и представлены широкому кругу читателей [4, с. 233–477]. В протоколах заседаний комиссии сам Колчак отмечал, что армия фактически требовала передачи власти в свои руки и не принимала усилия политиков объединить свои попытки в борьбе с большевиками [4, с. 407]. В мае 1994 г. редакция журнала «Отечественные архивы» путем сверки документов нашла некоторые неточности в стенограмме 1990 г. и издала «Подлинные протоколы допросов адмирала А.В. Колчака и А.В. Тимиревой».

С конца 20–40-х гг. прошлого века издавались материалы, раскрывавшие характер политической деятельности антибольшевистских режимов и их армий в Сибири и на Дальнем Востоке. В опубликованных сборниках была отражена позиция, рассматривавшая противоборствующие стороны как непримиримых противников.

Публикация сборников документов и материалов в послевоенное время отражала идеологические установки того периода в отечественной исторической науке, расширяя информационный диапазон рассматриваемой проблемы.

Изменение подходов к истории в демократической России предъявило новые требования к формированию издаваемых сбор-

ников материалов по истории Гражданской войны. В свет вышла целая группа сборников, где наряду с общими вопросами войны особое внимание уделялось проблемам взаимодействия белых правительств с интервенционными силами.

Отчасти появление новых изданий было продиктовано тем, что в начале 1990-х гг. в отечественной исторической науке стала доминировать точка зрения, оценивавшая деятельность белых правительств только в положительной тональности. В сборнике документов и материалов, увидевшем свет во Владивостоке в 1995 г., были опубликованы документы, раскрывавшие наряду с вопросами взаимодействия колчаковского правительства с интервентами и причины роста антиколчаковских выступлений, как среди населения Дальнего Востока, так и в армейских кругах. В продолжение этого издания учеными Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН и Хабаровского государственного педагогического университета в 1997 г. был издан сборник документов и материалов, отражавший вопросы подготовки и начала интервенции. В нем представлена позиция, свидетельствующая о том, что решающую роль в свержении советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке и установлении белых режимов сыграла союзная интервенция. Вместе с тем в материалах сборника нашли свое отражение документы, раскрывавшие содержание политических оценок иностранных государственных кругов по отношению к политическим позициям различных антисоветских структур в Сибири и на Дальнем Востоке (создаваемых на основе подпольных военных групп воинских формирований, правительств, казачьих сил и пр.).

В исследовании политических позиций участников белой борьбы сегодня появилось большое количество новых документальных сборников, раскрывающих ранее не исследованные учеными события. В сборнике, изданном в 2007 г., нашла отражение деятельность Западно-Сибирского комиссариата, Совета министров и Административного совета Временного Сибирского правительства — ведущей антисоветской политической силы сибирского региона, просуществовавшей до прихода к власти Колчака. По мнению составителя сборника В.И. Шишкина, сборник призван ликвидировать определенную узость используемых историками источников при рассмотрении истории

становления Белого движения в Сибири [3, с. 23–24].

Важнейшей составляющей источниковой базы работы выступают архивные материалы. Политический портрет антибольшевистских сил на Востоке России представлен в фондах Государственного архива Российской Федерации. Среди них необходимо отметить материалы Административного совета Временного Сибирского правительства, Управления делами Временного Всероссийского правительства, Совета министров российского Правительства и др. Политическая позиция лидеров антибольшевистских сил Сибири и Дальнего Востока нашла свое отражение в фондах Н.И. Астрова, В.Г. Болдырева, А.И. Деникина, М.А. Иностранцева, А.В. Колчака, А.С. Луковского и др.

В Российском государственном военном архиве представлены документы, отражающие создание, структуру и служебную деятельность белых армий на Востоке. В фондах архива особый интерес представляют материалы по Военному ведомству Народной армии, Штабу Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России, Военному министерству Временного Всероссийского правительства, Главному штабу военного министерства, Штабу командующего сухопутными и морскими силами Временного правительства Приморской областной земской управы, личные фонды В.О. Каппеля, К.В. Сахарова, воспоминания Р. Гайды и др.

В территориальных архивах представлены материалы по истории антибольшевистских сил регионов. Так, в Государственном архиве Хабаровского края особого внимания заслуживают фонды по военным учреждениям: Главнокомандующего всеми вооруженными силами, походного атамана всех казачьих войск российской восточной окраины атамана Г.М. Семенова (1920–1921 гг.), Особого казачьего отряда атамана И.П. Калмыкова (1918–1920 гг.), Штаба Верховного Уполномоченного на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта Хорвата, Союза казаков на Дальнем Востоке и др. Материалы фондов Государственного архива Забайкальского края содержат информацию о политической деятельности забайкальского казачества.

Большое значение для исследования проблемы имеют мемуары и дневниковые записи участников Гражданской войны. Воспоминания содержат большое количество фактов, деталей, которые не нашли места в других

источниках. Многие работы опираются на документальную основу.

Важность значения воспоминаний участников событий Гражданской войны определяется отсутствием достаточной документальной базы, раскрывающей содержание событий. По мнению Н.С. Ларькова, «мемуары участников революции и Гражданской войны являются порой единственным источником сведений о некоторых событиях и эпизодах вооруженной борьбы». Однако, как справедливо отметил ученый, «будучи в большинстве своем политически ангажированными, они содержат, как правило, одностороннее освещение этих событий» [6, с. 20].

Среди заявленных источников особое значение приобретает «белая» мемуаристика. Воспоминания политиков и журналистов: П.В. Вологодского, Г.К. Гинса, В.Н. Пепеляева, В.Н. Иванова, И.И. Серебrenникова и др., дают возможность рассмотреть роль армии в политике антибольшевистских сил. В них военные руководители показаны как политики, а не как военные специалисты.

Большое значение для рассмотрения выделенной проблематики имеют мемуары высшего командного состава белых сил: В.Г. Болдырева, А.П. Будберга, В.М. Молчанова, П.П. Петрова, К.В. Сахарова, Г.М. Семенова, Д.В. Филатьева и др., многие из которых вышли в свет еще в довоенный период за рубежом. Общий интерес к истории Гражданской войны в России стал основой для появления в конце 1980-х гг. сборников воспоминаний участников Белой борьбы и переиздания ряда работ, вышедших ранее за границей. Среди них воспоминания А.П. Будберга, В.М. Молчанова, Н.Н. Головина, П.П. Петрова, Г.М. Семенова и др. В определенном смысле к мемуарным источникам можно отнести материалы допроса адмирала А.В. Колчака, упоминавшиеся ранее. Наряду с изображением картин жизни и быта, в воспоминаниях показаны военно-политические события той эпохи. Вместе с тем в них военные дают оценки и делают выводы о характере военно-политического противостояния в регионе, месте политики в их жизни и жизни армии в целом. Революционные события в России в начале XX в. кардинально изменили положение русской армии, представлявшей некогда единый организм. В.М. Молчанов в своих воспоминаниях отмечал, что уже события 1905 г. в стране раскололи офицерский корпус России на мо-

нархистов и тех, кто был подвержен тем или иным революционным настроениям [7, с. 28]. По мнению генерала П.П. Петрова, формирование политической позиции русской армии после событий октября 1917 г. пошло по пути раскола относительно отношения к большевизму и будущему России [8, с. 81].

Формирование военных структур белых сил на Востоке России шло под воздействием нарастания антибольшевистских настроений в регионе. Одним из центров создания антибольшевистских вооруженных формирований стала полоса отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Здесь появились отряды Семенова, Калмыкова, Орлова и др., находились войска полосы отчуждения железной дороги во главе с генералом Плешковым. Все они так или иначе опирались на поддержку находившегося в Харбине Управляющего КВЖД Хорвата. Правда, деятельность «новых военных руководителей» не находила однозначных положительных оценок в мемуарной литературе. По мнению адмирала Колчака, в основе формирования военных отрядов в полосе КВЖД лежали принципы стихийности и самостоятельности. Сам А.В. Колчак отмечал и зависимость создаваемых формирований от иностранных военных миссий [4, с. 353–354]. Генерал А.П. Будберг, говоря о возможности распространения политики Орлова, Семенова и Калмыкова в России, писал: «...если то, что зародилось в Харбине и сгноено в разных отрядах, ползет на русскую территорию, то население скоро пожалеет об ушедших большевиках, конечно, черное население, которого большевики почти не трогают, но которое больше всех затрепчет от наших спасителей» [1, с. 262–263]. Созданные в полосе отчуждения КВЖД отряды фактически присваивали себе функции политической полиции. Однако ни о какой законодательной основе реализации полицейских полномочий и речи не шло [4, с. 368–371].

По мнению авторов ряда воспоминаний, серьезным катализатором становления вооруженных сил Белого движения на Востоке стало выступление Чехословацкого корпуса и поддержка им подпольных антибольшевистских групп [1, с. 259; 7, с. 331–336].

Оценивая усилия военных руководителей на местах, генерал В.М. Молчанов замечал их стремление определять характер деятельности власти [7, с. 83]. При этом, по мнению Д.В. Филатьева, многое делалось с оглядкой на имперский опыт государствен-

ного управления, что не могло не формировать антивластные настроения в народе [9, с. 42]. Характеризуя высший кадровый состав колчаковской армии, генерал Д.В. Филатьев отмечал его невысокий уровень стратегического и тактического мышления, в отличие от Белого Юга [9, с. 59].

Определенное внимание в мемуарах уделено вопросу политических предпочтений армии. О наличии в армии адмирала Колчака сильных монархических настроений среди части офицеров писал генерал А.П. Будберг. В своем дневнике он отмечал имевшееся в Ставке мнение, что восстановление генералами Дитерихсом, Хрещатицким и др. Гвардейского корпуса под видом стратегического резерва задумалось как основание будущего монархического переворота [1, с. 310].

В антибольшевистском лагере не было внутривластного единства. Те военные, которые встали под ружье для борьбы с большевиками в Поволжье, в регионах Сибири и Дальнего Востока, получали ярлыки «розовых» или же «средни красным», их причисляли к эсерам, преследование которых стало повсеместным после колчаковского переворота [8, с. 254].

Оценивая приход к власти в Сибири и на Дальнем Востоке адмирала А.В. Колчака, многие мемуаристы отмечали наличие в общественных и военных кругах продиктаторских настроений. Отчасти они были продиктованы неспособностью власти в условиях войны принимать решения, поддерживаемые населением. В военной среде крайне негативно воспринималось засилье эсеров во власти [2, с. 87]. При этом сам переворот был «осужден» казачими лидерами Семеновым и Калмыковым [1, с. 349].

В мемуарах особое внимание уделено анализу причин поражения Белого движения. По мнению В.М. Молчанова, причины поражения белых сил на Востоке страны лежали в отсутствии политических деятелей, способных принимать и выполнять государственно значимые решения, и неспособности армии управлять «гражданскими делами» [7, с. 189]. П.П. Петров отмечал отсутствие единого центра, способного объединить усилия противников большевиков и «единой идейной спайки» [8, с. 253]. Не последней причиной поражения белого дела авторы мемуаров считали позицию союзников, которая, по их мнению, сводилась лишь к незначительной материальной поддержке белых сил [8, с. 255]. Вместе с тем необходи-

мо отметить, что срыв белой альтернативы развития России состоял в том, что население на практике ощутило ее, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке. Большевицкая альтернатива в тот исторический период оказалась более прочной и жизнеспособной [10, с. 93].

Анализ воспоминаний белых военных руководителей на Востоке России позволяет отметить, что, несмотря на определенный субъективизм, мемуары полны признаний о реставрационном характере власти, низком военном уровне, мародерстве и моральной ущербности, а в целом — об обреченности Белого движения.

В ряде воспоминаний о событиях Гражданской войны на Востоке России интересными являются мемуары интервенционистских сил иностранных держав, воспоминания представителей иностранных государств, ставших свидетелями тех трагических событий в России.

Важность анализа источниковой базы при рассмотрении любой проблемы современной исторической науки не подвергается сомнению. Объективность исторического исследования вопроса роли армии в политике белых сил на Востоке России требует качественного анализа разных групп источников, ряд которых нашел отражение в современной историографии проблемы. Последующая работа в этом направлении позволит получить более полную, свободную

от идеологических установок картину происходивших событий Гражданской войны на Востоке России.

Литература

1. Белое дело: избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 14: Белый Восток. А.П. Будберг. Дневник. Часть первая.
2. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новониколаевск, 1925.
3. Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 мая 1918 г.): сб. док. и матер. Новосибирск, 2007.
4. Допрос Колчака (Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака 21 января — 6 февраля 1920 г.) // Арестант пятой камеры. М., 1990.
5. Земцов Б.Н. Специфика политических представлений России // История государства и права. 2012. № 18. С. 2–5.
6. Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск, 1995.
7. Молчанов В.М. Последний белый генерал: устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009.
8. Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: воспоминания, документы. М., 2011.
9. Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири, 1918–1922: Впечатления очевидца. Paris, 1985.
10. Ципкин Ю.Н. Белогвардейские спецслужбы против коммунистического подполья на Дальнем Востоке в 1918–1920 гг. // История государства и права. 2011. № 13. С. 72–93.

Проект уничтожения тюрем во время Февральской буржуазной революции 1917 г.

*Ливенцев Дмитрий Вячеславович,
профессор внебюджетного факультета
Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний,
доктор исторических наук, профессор
liva2006@yandex.ru*

Статья рассматривает создание видным педагогом К.Н. Вентцелем во время Февральской буржуазной революции проекта по ликвидации исправительных заведений. Кроме того, уделяется внимание отечественной истории исправительных учреждений.

Ключевые слова: Февральская революция, тюрьма, преступник, свобода.

Prisons Destruction Project during the 1917 February Bourgeois Revolution

*Liventsev Dmitriy V.,
Professor of the Non Budget Funded Faculty
of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service,
Doctor of Historical Sciences, Professor*

The article examines the creation of a prominent educator K.N. Wentzell during the February bourgeois revolution project on the elimination of correctional institutions. In addition, attention is paid to the national history of corrections.

Key words: The February revolution, prison, criminal, freedom.

Любой коренной слом государственной системы несет ожидания лучшей и совершенной жизни¹. Февральская революция привела к отмене монархического правления. Население России надеялось на серьезные реформы в сфере аграрных отношений², вопросах вероисповедания³ и ограничения свободы заключенного. Одновременно под амнистию попало значительное количество политических и, что серьезно дестабилизировало криминальную ситуацию в стране, уголовных заключенных⁴. Постоянно и широко обсуждались ужасы царского тюремного режима. Естественно, в подобной ситуации не могли не появиться желающие существенно реформировать исправитель-

ную систему или полностью отменить ее функциональные обязанности.

Наиболее радикальный проект ликвидации исправительных учреждений предложил общественный деятель и педагог К.Н. Вентцель. Итак, Константин Николаевич Вентцель (1857–1947 гг.) — русский педагог и теоретик свободного воспитания. В студенческие годы был одним из активных участников антиправительственных выступлений. В 1885–1887 гг. за свои политические взгляды отбывал тюремный срок, а в годы Первой мировой войны решительно выступал против милитаризма и шовинизма в Российской империи. К.Н. Вентцель предпринимал и практические шаги к реализации новаторских педагогических разработок, которые он пытался осуществить в 1906–1909 гг. в «Московском доме свободного воспитания»⁵.

Именно данный теоретик свободного воспитания в дни Февральской буржуазной революции выпускает прогрессивную брошюру, написанную 8 апреля 1917 г., с сенсационным названием «Уничтожение тюрем»⁶.

¹ Денисенко В.В. Модернизация общества и правовое регулирование // История государства и права. 2007. № 22. С. 2–4.

² Таппасханова И.Б. Аграрный вопрос в 1917–1918 гг.: законодательная основа и регулирование // История государства и права. 2015. № 13. С. 41–44.

³ Потапова Н.В. Вероисповедное законодательство Временного правительства и эволюция политико-правовых взглядов российских протестантов (февраль — октябрь 1917 года) // История государства и права. 2015. № 8. С. 3–7.

⁴ Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 89.

⁵ Коджаспирова Г.М. История образования и педагогической мысли: таблицы, схемы, опорные конспекты М., 2003. С. 140.

⁶ Вентцель К.Н. Уничтожение тюрем. М., 1917. 15 с.

Начинается произведение К.Н. Ветцеля с пламенного призыва: «Пока есть в стране хоть одна тюрьма, куда сажают так называемых преступников, до тех пор в этой стране нет свободы, хотя бы страна считалась и самой свободной в мире и называлась демократической республикой... Свободные граждане, если вы хотите быть действительно свободными, разбейте тюрьмы, кто бы в них за какие преступления ни содержался и вместо тюрем воздвигнете дворцы просвещения, дворцы культуры, вступая в которые все так называемые преступники перерождались духовно и становились бы новыми людьми!»⁷.

К.Н. Вентцель призывал в Конституции новой свободной России исключить понятие тюрем и запретить их. Он утверждал, что категории политических и религиозных преступлений носят весьма субъективный характер. Например, в дореволюционной России такие преступления можно назвать героическим поступком, совершаемым для народного блага. Сложнее было с уголовными преступлениями. Однако и здесь автор брошюры ссылался на революционную необходимость: «Действительно ли здесь существует такая резкая грань, и не являются ли многие уголовные преступления как бы протестом против несправедливого общественного строя, и, во всяком случае, не являются ли они в значительном числе случаев естественным порождением и результатом этого несправедливого общественного строя»⁸.

Затем следовала мысль, что перед любым преступником виновно само общество, заключавшее правонарушителя в тюрьму. По мнению К.Н. Ветцеля, сама буржуазия с правом частной собственности и социальным неравенством виновна в уголовных преступлениях, совершаемых людьми, не имевшими от рождения никакой частной собственности. Если вдуматься глубже, то любое преступление представляет, по мнению автора брошюры, итог антисоциальной и антикультурной среды воспитания будущего преступника.

После чего К.Н. Вентцель говорит о несправедливости социального института суда над преступником: «Суд над преступником должен быть заменен судом над обществом»⁹. Сама юридическая процедура суда нужна для выяснения ошибок в воспитании преступника, допущенных обществом.

Получается, что старая тюрьма подавляет и ломает преступника и абсолютно негодна для общественных целей перевоспитания в свободной России. Отсюда следует, что вместо тюрем надо ввести дворцы просвещения для образования и социальной коррекции оступившегося индивидуума.

В защиту своей оригинальной точки зрения К.Н. Вентцель приводит слова знаменитого теоретика анархизма П.А. Кропоткина: «Сожжем гильотины, разрушим тюрьмы, прогоним судей, полицейских доносчиков — все это гнусное отродье! Будем обращаться как с братьями с теми, которых страсти довели до преступления. Лишим всех крупных преступников, — эти отвратительные продукты буржуазной праздности, — возможности выставить напоказ свои пороки под соблазнительными формами. И тогда в нашем обществе не будет преступлений!»¹⁰.

К.Н. Вентцель выносит дореволюционной тюрьме однозначный приговор: «Тюрьма есть пережиток старого несвободного и несправедливого строя... Тюрьма, для кого бы она ни предназначалась, должна быть уничтожена... И пока существует в государстве хотя бы одна тюрьма, это государство не может быть свободным, хотя бы оно и называлось демократической республикой»¹¹.

В свою брошюру К.Н. Вентцель включил раздел, датированный 8 сентября 1917 г., под названием «Моим друзьям», посвященный ответу на критику его прогрессивных идей. Что же педагог новаторских воззрений ответил скептикам по поводу уничтожения тюрем: «Во избежание поэтому всяких недоразумений я должен заметить, что в статье своей я не призываю к немедленному уничтожению всех тюрем, я говорю об уничтожении тюрем, как о планомерном общественном акте, последовательно продуманном и осуществленном, я говорю об уничтожении тюрем, как о законе, имеющем быть санкционированным будущим Учредительным Собранием»¹². Все-таки К.Н. Вентцель признавал необходимые юридические процедуры: «И современный суд, и тюремное заключение — все это только мнимые способы, которыми будто бы охраняются и поддерживаются права человека и общества; все это только способы, при помощи которых отвлекается внимание от тех настоящих и дей-

⁷ Там же. С. 1.

⁸ Там же. С. 2.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Кропоткин П. А. Речи бунтовщика: (Paroles d'un révolté) СПб., 1906. С. 125.

¹¹ Вентцель К.Н. Указ. соч. С. 6.

¹² Там же. С. 7.

ствительных способов, которыми они должны были бы поддерживаться»¹³.

Интересно, как же отнеслось Временное правительство к идеям прогрессивного педагога. Помимо политической амнистии, приведшей к освобождению внушительного количества уголовников, Временное правительство решило удалить в отставку тюремные кадры дореволюционной России и начать подготовку собственных¹⁴. В то же время организацию и внутренний режим исправительных заведений оставили без революционных изменений, сославшись, как и во многих делах, на необходимость решения данного сложного вопроса будущим Учредительным Собранием.

Куда интереснее сложилась судьба предложения К.Н. Вентцеля о постепенной реорганизации тюрем в дворцы просвещения с последующей грамотной социальной коррекцией оступившейся личности. Надо сказать, что данная теория не противоречила государственной идеологии в первое десятилетие советской власти и находила официальную поддержку. Идея К.Н. Вентцеля

глубоко укоренилась в советской исправительной системе до конца 20-х гг. XX в. При чем она вызвала самый живой отклик и у тюремной администрации, и у заключенных.

Литература

1. Вентцель К.Н. Уничтожение тюрем. М., 1917. 15 с.
2. Денисенко В.В. Модернизация общества и правовое регулирование // История государства и права. 2007. № 22. С. 2–4.
3. Детков М.Г. Тюрмы, лагеря и колонии России. М., 1999. 448 с.
4. Коджаспирова Г.М. История образования и педагогической мысли: таблицы, схемы, опорные конспекты М., 2003. 224 с.
5. Кропоткин П.А. Речи бунтовщика: (Paroles d'un révolté). СПб., 1906. 154 с.
6. Потапова Н.В. Вероисповедное законодательство Временного правительства и эволюция политико-правовых взглядов российских протестантов (февраль — октябрь 1917 года) // История государства и права. 2013. № 8. С. 3–7
7. Таппасханова И.Б. Аграрный вопрос в 1917–1918 гг.: законодательная основа и регулирование // История государства и права. 2015. № 13. С. 41–44.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ Детков М.Г. Указ. соч. С. 90.

С.А. Котляревский о войне и мире

*Николаев Николай Юрьевич,
доцент кафедры истории и философии
Волжского гуманитарного института,
кандидат исторических наук
nikcat@mail.ru*

В статье рассмотрены взгляды известного историка и юриста С.А. Котляревского на проблемы войны и мира. Выявлены антивоенные настроения ученого, проанализированы его предложения по предотвращению межгосударственных конфликтов.

Ключевые слова: война, мир, миротворчество, пацифизм, милитаризм, внешняя политика.

S.A. Kotlyarevskiy about War and Peace

*Nikolaev Nikolay Yu.,
Assistant Professor of the History and Philosophy Department
of the Volga Institute of Humanities,
Candidate of Historical Sciences*

In the article the peaceful views about war and peace of the famous historian and lawyer S.A. Kotlyarevskiy are considered. Antimilitary moods of the scientist were revealed, his suggestions about the interstate conflicts' prevention were opened.

Key words: war, peace, peace-making, pacifism, militarism, foreign policy.

Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939 гг.) больше известен своими работами в юридической сфере, посвященными преимущественно проблемам развития правового государства и советского финансового права. К сожалению, значительно меньше известно об общественно-политической деятельности Котляревского, в том числе его антивоенных взглядах. Будучи одним из идеологов кадетской партии, он был также членом правления Московского общества мира, являвшегося первой пацифистской организацией в России¹. Был ученый знаком и со многими деятелями отечественного миротворческого движения².

Особый интерес у Котляревского вызывали проблема усиления милитаризма великих держав и связь этого процесса с политическим строем и внешнеполитическим курсом. Лидером «общевропейского милитаризма» он объявлял Германию³. Как и многие представители российского либерального лагеря, Котляревский был англофилом. Поэтому «воинственному герман-

скому милитаризму» он противопоставлял политические порядки Великобритании, которые не только исключали развязывание войны, не отвечавшей национальным интересам, но влияли на степень милитаризации, значительно меньшую по сравнению с другими великими державами⁴. Отсюда его заметное стремление «облагородить» дипломатию Великобритании, в которой он видел образец современной «биржевой» европейской политики. Признавая воинственные настроения английского империализма, Котляревский призывал видеть в нем здоровую экономическую основу, в отличие от пустой мегаломании отдельных держав, чье территориальное расширение не имело прочной хозяйственной поддержки⁵.

По его мнению, процесс демократизации, затронувший во второй половине XIX в. многие европейские страны, проявлялся не только в усилении правового начала в политической жизни, изменении критериев государственной пользы и общего блага, эволюции представлений о задачах, средствах и характере внешней политики. Произошла инверсия по отношению к «человеческому материалу». Рост гуманизма повысил ценность человеческой жизни. «Война может стать кровопролитнее, — писал ученый, — но для общественного сознания и

¹ Петрова Е.Е. Деятельность Общества мира (к 100-летию образования первой пацифистской организации в России) // История государства и права. 2009. № 8. С. 37–38.

² Котляревский С.А. Несколько слов памяти гр. Л.А. Камаровского // Юридический вестник. 1913. № 4. С. 222–223.

³ Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. М., 1909. С. 184.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Там же. С. 288.

общественного чувства, сделавшихся первостепенными политическими факторами, каждый раненный и каждый убитый значат гораздо больше, чем они значили столетие назад»⁶.

В то же время при всем критическом отношении Котляревского к отдельным проявлениям милитаризма едва ли его можно было отнести к горячим сторонникам разоружения. Он твердо считал, что в правовом государстве бюджетная политика должна соотноситься с общественными потребностями. Появившиеся на рубеже XIX–XX вв., прежде всего в представительных государствах, значительные расходы на образование, социальную поддержку немущих, доступный кредит и т. д., безусловно, корректировали затраты на внешнюю политику. Однако бюджетная политика в демократической стране не должна была сводиться к финансированию исключительно социально-гуманитарной сферы и экономии на военно-государственной политике. Напротив, решение ряда внешнеполитических проблем требовало огромных затрат при любом политическом строе. Это, прежде всего, «территориально-политическое самосохранение», являвшееся в равной степени и государственной, и общественной задачей. Жизненную необходимость поддержания необходимого уровня военных расходов, по мнению ученого, должны были осознавать даже безусловные противники гонки вооружений⁷.

Важным барометром развития гуманизма и демократии Котляревский считал отношение общества и государственной власти к проблемам войны и мира. В современном ему пацифизме он отмечал известную антиномичность. С одной стороны, присутствовал несомненный рост человеколюбия и общей нравственности, превратившие войну в глазах общества в варварское и уродливое ремесло. В то же время при широком распространении миротворческих идей имело место их поверхностное воздействие на «современную психику». Критическое отношение к войне не сопровождалось «соответствующей верой в возможность устранить ее из международной жизни»⁸. Очевидно, что на сторонников мира оказывали влияние как изменившийся характер конфликтов, так и вызванное этим небывалое усиление милитаризма, проявлявшееся прежде всего в ко-

лоссальных военных расходах. Именно усилившаяся гонка вооружений, постоянно грозившая Европе новой опустошительной войной, оправдывала «скептическое отношение к надеждам пацифистов»⁹.

Вместе с тем развитие международных отношений на рубеже XIX–XX вв. дало повод миротворцам говорить о постепенном искоренении войны как способа решения межгосударственных противоречий. К наиболее весомым аргументам сторонников мира Котляревский относил тезис о резко возросшем уровне международного общения, которое увеличивало губительное воздействие вооруженных конфликтов даже на нейтральные государства. В отличие от прежних войн, которые в большинстве своем удавалось локализовать, негативные последствия грядущих межгосударственных столкновений «будут чувствоваться при взаимной экономической и финансовой зависимости, по всему лицу земли». Одновременно многократно для воюющих сторон возрастала цена войны. Механизм современных стран, считал Котляревский, пронизанный тысячами хозяйственных связей, являлся в случае серьезных международных конфликтов в «несравненно большей степени, чем в прежние времена, уязвимым»¹⁰.

Инструменты, которые пацифисты предлагали для достижения всеобщего мира, ученый делил на две категории. К первой он относил развитие демократии и конституционных принципов в государственном устройстве, что предполагало передачу вопросов войны и мира на усмотрение парламентов и (или) всенародных референдумов. Второй путь был связан с созданием «международного правового авторитета», который мог бы разрешать и предупреждать возможные столкновения. Котляревский соглашался с тем, что ряд важных проблем действительно можно было эффективно разрешить с помощью международной деятельности. Множество вопросов человеческого общения, от экологии и санитарии до социальной защиты и права, очевидно, нуждалось в международной регламентации и контроле. «Во всех этих сферах, — полагал ученый, — существуют достаточно сильные мотивы международного сближения и международной солидарности, перевешивающие действительные или мнимые невыгоды умаления суверенитета отдельных государств и

⁶ Там же. С. 288–289.

⁷ Там же. С. 290–292.

⁸ Там же. С. 310–311.

⁹ Там же. С. 312.

¹⁰ Там же. С. 312–313.

заставляющие с ним мириться»¹¹. Разумеется, признавал Котляревский, заинтересованность стран в общем правовом механизме по определению была различной. Однако объективные объединительные процессы действовали все сильнее, и их игнорирование не только грозило всеобщим осуждением, но и предполагало известные репрессалии. В результате сфера международного права неуклонно расширялась, сужая тем самым область применения насильственных действий¹².

Рассматривал Котляревский и перспективы государственного миротворчества, наиболее ярко проявившегося в созыве двух мирных конференций. Их результаты он оценивал достаточно сдержанно, но отнюдь не пессимистично. Например, ученый высоко отзывался о достигнутых на Гаагской конференции 1899 г. успехах в области третейского разбирательства и кодификации гуманитарного права. Он не разделял разочарования пацифистов необязательностью международного арбитража, так как существовала категория конфликтов, от которых зависело национальное и государственное существование. Такие вопросы, по-видимому, не без сожаления признавал ученый, могли разрешаться исключительно силой. Незначительные успехи на конференции в деле разоружения он объяснял насущными государственными интересами, не позволившими допустить серьезного ослабления обороноспособности¹³. Более скептически Котляревский оценивал итоги Гаагской мирной конференции 1907 г. Для пацифистского движения, считал он, результаты работы второй мирной конференции были поучительны с точки зрения соотнесения реального и желаемого, продемонстрировав в очередной раз тщетность попыток изменить ту область международных отношений, «в которой фатально последнее слово принадлежит силе»¹⁴.

Более определенной выглядела позиция ученого относительно возможности достижения «вечного мира». По его мнению, войны являлись неизбежными, пока в человеческом общежитии существовали «вопросы государственного начала национальной независимости». Ученый допускал, что в неопределенном будущем столкновение между цивилизованными народами мо-

гут совсем прекратиться. Но сохранятся ли к тому времени современная ему государственная организация или экономическая среда? «Очевидно, — констатировал Котляревский, — здесь уже научное предвиденье кончается и уступает место тому философскому субъективизму, построения коего не могут быть опровергнуты, не могут быть и доказаны»¹⁵.

Негативное отношение к войне не помешало Котляревскому с началом мирового конфликта занять твердую патриотическую позицию. Осенью 1914 г. в журнале «Вопросы философии и психологии» Котляревский поместил статью под красноречивым названием «Война»¹⁶. В ней он рассматривал начавшийся конфликт с позиции историзма и указывал на его закономерно-объективный характер. В общественно-научном сознании рубежа XIX–XX вв. постепенно утвердилась идея эволюционного развития. Однако это не означало исчезновение из исторического процесса политических потрясений и катаклизмов. И разразившаяся война, не без иронии замечал автор, напомнила человечеству «об этих пробелах, об этих недочетах в нашем умственном инвентаре». Он однозначно признавал случившийся конфликт катастрофой и упрекал тех, (преимущественно немецких авторов), кто занимался ее восхвалением. Котляревский противопоставлял апологетам войны идеи отечественных мыслителей (Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева), которые видели в ней форму «служения своему народу и человечеству», средство «выполнить евангельскую заповедь любви, полагающей душу свою за други своя». «Моральный смысл войны, — уверял он, — когда она ведется за право и справедливость, когда ею отражаются зло и насилие, не только в этих ее целях; ей присуща трагически очищающая сила»¹⁷. Более того, вопреки своей прежней критике морально-эстетической защиты войны, Котляревский уже оценивал ее как вызов судьбе, героический подъем жертвы, мужественный разрыв с пленом обывательской жизни. Даже смерть на войне приобретала благородный оттенок приобщения к высшей жизни, «где ужас и страдание вырастают в великую радость»¹⁸.

Вместе с тем в начавшемся конфликте ученый обнаруживал и контуры будущего

¹¹ Там же. С. 313–315.

¹² Там же. С. 315–316.

¹³ Там же. С. 316–319.

¹⁴ Там же. С. 320–321.

¹⁵ Там же. С. 326.

¹⁶ Котляревский С.А. Война // Вопросы философии и психологии. 1914. № 124 (IV). С. I–VII.

¹⁷ Там же. С. II.

¹⁸ Там же. С. II–III.

мира, основанного на социальной гармонии, религиозном единстве и гуманизме. Война способствовала обновлению на почве «религиозно-морального понимания и переживания», что в итоге означало переход к новому этапу «европейской культурной истории». Каким будет его конкретное наполнение? На этот вопрос Котляревский не давал ответа, да и никто, по его словам, дать такой ответ не мог. Но он предвидел «глубокое и неизгладимое влияние», которое окажут происходившие события на окружающий мир. Для России начавшийся грандиозный конфликт означал огромный исторический шанс. Будущая победа над германизмом предвещала обновление и очищение европейской культуры, в которой свое веское слово скажет «призываемый к новой жизни» славянский мир¹⁹.

Предвидя неизбежную победу России и ее союзников, ученый требовал политических гарантий для будущего прочного и долговременного мира. В качестве таковых должны были выступить новые государственные границы в Европе. Еще недавно он видел в военных захватах корень будущих межгосударственных столкновений, однако с началом войны его позиция претерпела существенные изменения. Было бы легко приписать это влиянию той волне шовинизма и экспансионизма, что захлестнула Россию осенью 1914 г. Однако едва ли мы имеем дело с резким изменением взглядов ученого. Следует напомнить, что, по мнению Котляревского, во внешней политике следовало исходить, прежде всего, из национальных интересов. Именно они, считал он, требовали радикальных изменений в Европе и мире, в том числе и территориальных²⁰.

Лозунг «война до победного конца» Котляревский поддерживал и после Февральской революции. В брошюре «Война и демократия» он оценивал мировую войну как справедливую, защищавшую «великие культурные интересы всего человечества». Действительно, признавал он, во всемирной истории было много конфликтов, вызванных честолюбием, политическими амбициями, экономическими интересами и геополитическими расчетами. Однако конфликт стран Антанты и Центрального блока носил иной характер. Ученый не отрицал в нем наличия «существенных экономических и политических интересов», но главной причиной

столкновения он считал борьбу «укладов государственной и народной жизни», поляризованных в двух различных политических системах — безответственном строе Германии и демократии Великобритании²¹. Он рассматривал мировую войну через антитезу демократии и авторитаризма, политического плюрализма и единомыслия. Победа Германии, по его мнению, представляла великую опасность для европейской демократии, ибо стала бы торжеством военного деспотизма и угрозой для «свободы и самостоятельности малых народов и государств». После февраля 1917 г. и прихода власти Временного правительства демократический характер Антанты ни у кого уже не вызывал сомнений, тем самым окончательно превратив мировую войну в столкновение автократии и народовластия²².

Решительно Котляревский выступал против сепаратного мира с Германией, который называл изменой «делу всемирной демократии», предательством союзников и национальным позором. Кроме того, подобный шаг имел бы крайне негативные последствия для отечественной экономики, так как означал бы отказ от иностранных кредитов, столь необходимых для восстановления подорванных войной финансов и промышленности. Таким образом, в обязанности русской демократии входило, не допуская сепаратного мира, продолжать вместе с союзниками войну, «пока русская земля не будет очищена от вражеского нашествия». И лишь после достижения полной победы должен был установлен «прочный, незыблемый мир», проведено сокращение вооружений и введен обязательный арбитраж²³.

Последний всплеск интереса у Котляревского к проблематике войны и мира произошел в первой половине 1920-х гг. и был связан с анализом международных отношений начала XX в. Он продолжал критически относиться к межгосударственным конфликтам, а в послевоенной международной обстановке пророчески усматривал «много племенных антагонизмов, много эгоистического утверждения своей национальности в ущерб другим»²⁴. Однако даже в этих тревожных тенденциях ученый пытался увидеть обнадеживающий сигнал грядущего объединения.

²¹ Котляревский С.А. Война и демократия. М., 1917. С. 6–7.

²² Там же. С. 4–6.

²³ Там же. С. 12–14.

²⁴ Котляревский С.А. Австро-Венгрия в годы мировой войны. М., 1922. С. 109–110.

¹⁹ Там же. С. VI–VII.

²⁰ Котляревский С.А. Война за мир // Русская мысль. 1914. № 10. С. 94–98.

«Современная эпоха, — указывал он, — есть эпоха интернациональных объединений не в смысле искоренения тех глубоких изначальных чувств связи со своим народом, не только в настоящем, но и в прошлом и в будущем чувств, которые совершенно неистребимы, а в смысле потребности в этом множестве народов создать единство, хотя бы в целях предупреждения тех катастроф, к которым пришла европейская история»²⁵.

К сожалению, в дальнейшем, вплоть до своей трагической гибели, научные интересы ученого были сосредоточены преимущественно на политически нейтральной, а посему и «безопасной» сфере советского финансового права. Тем не менее очевидно, что проблематика войны и мира занимает значительное место в научном наследии С.А. Котляревского. Свою миротворческую концепцию он формулировал через анализ механизмов функционирования правового и демократического государства. Представительное правление, осознавая возможные неблагоприятные последствия, заинтересовано в проведении осторожной и ответственной внешней политики. В то же время ученый признавал, что вопросы войны и мира, соблюдение международных договоренностей зависели не сколько от формы политического правления, столько от жизненных интересов государства. Он скептически относился к перспективам разоружения, а тем более установлению всеобщего мира. Исчезновение войн при существовавшей государственной организации, господствовавшей экономической системе, необходимости отстаивания национальных интересов Котля-

ревский считал невозможным. Однако, по его мнению, демократизация государственного управления и рост правосознания, в том числе на уровне международного общения, должны были объективно способствовать уменьшению числа военных конфликтов в мире. Ученый отрицательно относился к позиции радикальных пацифистов, так как находил их лозунги антигосударственными и непатриотическими. Неудивительно, что с началом Первой мировой войны Котляревский, признавая случившееся катастрофой, тем не менее призывал всех способных носить оружие выступить на защиту Отечества, а по победному окончанию конфликта рассчитывал на значительные территориальные приобретения для России и ее союзников.

Литература

1. Котляревский С.А. Австро-Венгрия в годы мировой войны. Высший военный редакционный совет. Москва: Гос. изд-во, 1922. 111 с.
2. Котляревский С.А. Война // Вопросы философии и психологии. 1914. № 124 (IV). С. I–VII.
3. Котляревский С.А. Война за мир // Русская мысль. 1914. № 10. С. 94–98.
4. Котляревский С.А. Война и демократия. М.: Тип. «Культура», 1917. 16 с.
5. Котляревский С.А. Несколько слов памяти гр. Л.А. Камаровского // Юридический вестник. 1913. № 4. С. 222–223.
6. Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1909. 432 с.
7. Петрова Е.Е. Деятельность Общества мира (к 100-летию образования первой пацифистской организации в России) // История государства и права. 2009. № 8. С. 37–38.

²⁵ Там же. С. 110.

Уважаемые авторы!

1. Материалы предоставляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, обозначенные арабскими цифрами, оформленные в соответствии с действующим ГОСТом). Объем материала не должен превышать 20 000 знаков. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Предоставляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. При направлении в редакцию статьи обязательно прилагается заполненное заявление, которое можно скачать на сайте ИГ «Юрист». Плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается.

4. Статья должна содержать:

- а) фамилию, имя и отчество полностью, должность, место работы (без сокращений), ученую степень, ученое звание на русском и английском языках;
- б) название статьи с переводом на английский язык;
- в) аннотацию на русском и английском языках (4–5 строк);
- г) ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);
- д) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале);
- е) контактный телефон (для редакции);
- ж) точный почтовый адрес с индексом (для направления авторских экземпляров). Автору предоставляется 1 бесплатный экземпляр журнала с опубликованной статьей.

Кроме того, в конце статьи автор помещает приставный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Обращаем ваше внимание на то, что список нормативных актов располагается по юридической силе и помещается в отдельном списке. Данные, предоставляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

Настоятельно рекомендуем авторам ознакомиться с опубликованными статьями по аналогичной тематике и привести не менее двух ссылок на журналы, входящие в состав объединенной редакции ИГ «Юрист».

5. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать задачу и описывать результаты исследования, соответствовать действующему законодательству и иметь вывод.

6. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации.

7. При направлении статьи в редакцию для аспирантов и соискателей необходимо приложить рецензию научного руководителя или рекомендацию кафедры, заверенную печатью учреждения.

Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru.**

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7